

BLADU WPK

ЯЗЫЧЫ • БАКУ • 1981

М. МУШФИК-ЗВЕНИ, ТАР...

М.МУШФИК

ЗВЕНИ, ТАР..

М. Ф. Ахундов адмя
Азерб. Республика
"ТАБХАНАС"

С1(Аз)2 + АЗ
М 86

Составитель и автор предисловия

Гюльгусейн Гусейноглу

Әсәрләри. 3 чилдә. 1. II чилдә. Азәрнәшр. Бақы.
1968 — 1970.

© Избранное. Издательство «Художественная литература», Москва 1973.

© Перевод на русский язык. Язычы, 1981.

ТАЛАНТ ЖИВ ВСЕГДА

«Самые несчастливые минуты моей жизни — это минуты, прошедшие без стихов», — говорила Михаил Мушфик. Будто чувствуя, что отпущен ему слишком короткий век (Михаил Мизза Абдулгали оглы Исмаиляде — литературный псевдоним Мушфик — родился в 1908-м, а в 1939-м его уже не стало), поэт работал как одержимый, изменяя бег времени не днями, а буквально минутами.

За двенадцать лет творческой жизни Михаил Мушфик издал десять поэтических сборников (готовил к печати одиннадцатый), а также пять книжек, содержащих переводы произведений классиков мировой литературы, современных ему авторов. А ведь эти двенадцать лет вмещают еще годы напряженной учебы в Азербайджанском государственном университете имени В. И. Ленина, учительствования в бакинских школах.

Поэзия была для него всем — жизнью, смыслом существования. Мушфик жил и дышал поэзией. Он посвящал ей дни и ночи. И в ответ на эту самоотверженность она, конечно, не осталась в долгу, от-

крыла своему творцу дорогу в читательские сердца,
дорогу в бессмертие.

Сегодня невозможно представить азербайджанскую поэзию без Микаила Мушфика — поэта кипучего вдохновения, богатой мысли, большой мечты. Стихотворения замечательного мастера, творившего во второй половине 20-х и в 30-х годах, являются самыми читаемыми, заучиваемыми наизусть, наиболее передаваемыми на музыку и выделяющимися страницами нашей поэзии.

Велики были творческие планы поэта. Как и его редкий талант, как и его бурное вдохновение! В стихотворении «Любовь к жизни» он так передает овладевшие им трепетные чувства, свое волнение:

Перо молодое мое, не утрать
Созвучий и красок, чтоб кончить тетрадь.
Нет, я не могу притворяться и лгать!
От лет вдохновенных — как мне отказаться?

Мушфик беспрерывно, не теряя ни мгновения, создавал мир своих тем, свой поэтический мир. Творил, поверяя душу стиху:

Мир, словно гимн, зазвучать готов,
ты — его ритм и тон,

Из многоликих лучей и цветов
ты, как венок, сияешь.
Роза цветет, услышав соловья, —
так расцветай и ты,
Глубже становится смысла бытия —
не отставай и ты.

(«Мой стих»)

Борьба за освобождение, революция, дружба народов, труд и труженики, просвещение и народные просветители, кипучая молодость, вечная любовь, художник и время, земля и привязанность к земле, патриотизм... Вот мир тем, поэтический мир Мушфика, вот творческие проблемы, заставляющие поэта думать, волноваться.

В своих стихотворениях Мушфик не раз отмечал, что поэт, стремящийся «заходить по-своему в каждый сад», должен в то же время уметь «во весь громкий голос звать в грядущее». Могучая, богатая фантазия, высокие поэтические раздумья, мысли, волнующие наполненное гражданскими, патристическими чувствами сердце поэта, должны опережать его время. Вовсе не случайно, что одной из главных особенностей мушфиковской поэзии явля-

ется ее пронизанность романтическим духом. Интересны обращение и отношение автора к своей романтике в первой ступе поэмы «Земля», полностью состоящей из восьмистиший:

От горизонта к горизонту
у детей, моя романтика!

В волнах сердца плыви, моя романтика!

Эти выси — твои, эта земля — твоя,

Звезды — твои, царица — твои,

Пусть тобою бьется слово, моя романтика!

О глаза моего сердца, моя романтика!

Пусть этот мир узнает

Моя мечта, моя романтика!

(Подглагольный перевод)

«Моя романтика...» Мушфиковская романтика, считающая своим и безкварцевый дави, и звезды, отдающая их на служение человеку, «оканкающая» солнце с луною, чтоб с нами, как товарищи, пошла», опирается на современность, крепкими коленями связана с землей, питается ее соками.

В поэзии наряду с романтическими взлетами Мушфик ценил, считал достоинством, преимуще-

ством художника и жизненность, верность правде жизни, и сам в своем творчестве следовал этому, чувствовал пульс эпохи, стремился передать ее дух, колорит.

Пусть это идет любитель болтовни.

Пусть хлебо-юб и ставевай один

Со мною ладят и войдут в мой стих, —
для них дорога есть.

Быть другом их и стать поэтом их —
неслыханная честь.

(«Поэзия»)

В подлинном смысле слова удостоившись высокой чести ~~побт~~ всегда ставился «в людских сердцах и почет, что чувствуют, чем полнятся сердца», и принимался за тяжелый труд, чтобы «сказушать» отважно до конца все злое на пути», объективно доходя до читателей все, что волновало его, заставляя печалиться и радоваться. О чем бы он ни писал, что бы ни хвалил, ни критиковал, — все делал искренне, и потому стих получался действенным, убеждал читателей, заставляя их задумываться.

Не каждому поэту дано заставить читателя размышлять, поверить в искренность и справедливость

его слов. Присущий Мушфику темперамент, его страстная вера и упорство, умение убедить читателя в искренности и истинности своих слов чувствуются, можно сказать, во всех его произведениях, особенно в стихотворениях «Песнь вечности», «Счастье», «Листки раздумий», «Песнь о Тертергэсе и др.

Народы я зову сюда,
И воды я зову сюда,
У всех нас празднество одно.
Пускай своей рукою каждый
Коснется вечности однажды! —
Да будет это нам дано!
Блестящий след, как метеор,
Оставить, выйдя на простор, —
Об этом думалось давно.
Нам воздвигать под небом алым
Дворцы с размахом небывалым
И настезь — каждое окно.
Взгляните: небо — старый сад,
В нем гроздь звездные висят,
Их выжав, пейте, как вино!

(«Песнь о Тертергэсе»)

Мушфиговская поэзия в подлинном смысле слова народна. Всегда стремясь к отражению в поэтических строках народного духа, духовного богатства народа, он не случайно в стихотворении «Песнь о Тертергэсе» писал о привязанности к народу, к земле:

Чтоб тот, кто наш не ценит хлеб,
Не видит нас, хотя не слеп,
Оглох от грохота, поэт!

М. Мушфик был поэтом-гражданином, занимающим самую правильную позицию в отношении к устной народной и классической литературе, очень верно понимающим роль традиции, должным образом ценившим новаторство.

В свое время гениальный Низами говорил, что лучше быть совершенным мастером-седелником, чем шапочником, лишь наполовину владеющим своим делом. Это мудрое изречение требует от художника знания всех тонкостей своего искусства, настоящего мастерства в своем деле, любви к нему, умения отдать ему всего себя. Словно перекликаясь с поэтом-мудрецом, Мушфик писал:

Какой бы ни избрал в искусстве путь,
Пусть любовь тебе наполнит грудь.
Поэт, художник или композитор —
Будь кем угодно, только первым будь!

(«Листики раздумий»)

То было высшее требование, которое предъявлял Мушфик к мастерам, к художникам, к самому себе.

То была главная мечта поэта.

Поэзия Мушфика выделяется в азербайджанской поэзии также богатством изобразительных средств.

Бессонный мозг — и без воды родник,
Пир без музыки — и без огня очаг,
Судно без паруса — и тело без души, —
Вот что значит народ без свободы.

(«Дастан свободы»)

В этом небольшом отрывке, во-первых, имеется шесть мастерски созданных эпитетов; во-вторых, привлекают внимание три емких сравнения; в-третьих, и это главное, бессонный мозг и засохший родник, пир без музыки и очаг без огня, судно без

паруса и тело без души сравниваются с народом, чуждым свободе, не болющимся за нее; таким образом рождается четвертое сравнение, и все это придает особую действенность поэтической мысли.

Стихотворения М. Мушфика очень музыкальны, гармоничны, отличаются разнообразием, своеобразием поэтических форм, пластичностью ритмики, увенчаны оригинальными рифмами. А плавность! Плавность в чисто мушфиковском духе! Явление, которое тоже не может не обратить на себя внимания в азербайджанской поэзии.

Поэзия Мушфика — властелина слова, умеющего с ювелирным мастерством распоряжаться им, поэзия, щедро наделенная образностью языка, играет активную роль в развитии художественных вкусов читателей, улаживает слух, обогащает человеческую душу. Она всегда современна. Когда читаешь стихотворения «Ветры», «Телефонный разговор», «Тан», «Любовь к жизни», «Счастье», «Мой стих», «Песнь о Тегтегесе», «Твой смех», «Приглашение», «Листики раздумий», «Если бы то лето повторилось!», поэмы «Разбитый саз», «Дастан свободы», «Сехар», «Трагедия в горах» и другие творения

поэта, чувствуешь, что автор их словно рядом с тобой.

Микаил Мушфик был не только вдохновенным поэтом, но и великолепным учителем литературы. Как учитель был замечательным образцом для учеников. Полный жажды знаний, он увлекал своим примером воспитанников, побуждал настойчиво овладевать науками, чтоб не знать одного из тяжких на земле пороков — невежества.

Увлеченным, взволнованным, полным глубоких мыслей и в то же время чутким, внимательным к каждому ученику — таким он остался в памяти своих воспитанников. Его бывшая ученица, ныне доктор наук Захра Салаева рассказывала, что, когда она училась в пятом классе 18-й школы Октябрьского района (ныне это учебное заведение носит имя поэта), она собирала автографы любимых учителей. Однажды 11 марта 1934 года она обратилась к Микаилу Мушфику с просьбой оставить в ее альбоме автограф. Листая альбом, учитель сказал:

— Хорошо. Пойди за классным журналом, а я что-нибудь для тебя напишу.

Когда девочка вернулась, в ее альбом поэт уже написал небольшое стихотворение «Захре». Всего

за несколько минут. Экспромтом.

Стремись вперед, не нужно медлить, ждать,
Стань самою красивой, дочь моя!
Учись, чтобы от жизни не отстать,
Полна огня и силы, дочь моя!

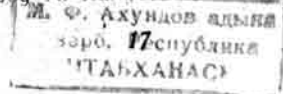
Преодолей вершины все подряд,
Не дрогни перед множеством преград.
Как птицы беспокойные парят, —
Пари в небесной сини, дочь моя.

Всегда будь к людям доброты полна...
Мердает высь — туда манит она,
Где для тебя и солнце, и луна
Горят неугасимо, дочь моя!

И в этом наспех написанном стихотворении поэт призывает стремиться к вершинам, преодолевать преграды, овладевать знаниями, которые дают человеку мощные крылья. Это был главный завет учителя Мушфика.

Мушфик, бесконечно любя, перечитывая творения своих великих предшественников, классиков

Перевод А. Хамидова

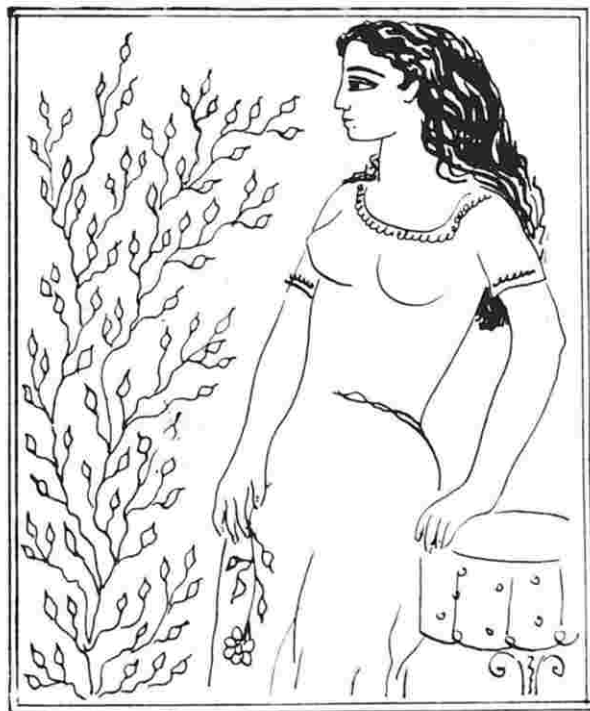
СТИХОТВОРЕНИЯ

азербайджанской поэзии Низами, Насими, Физули, Вагифа, Сабира, в то же время глубоко изучал историю культуры других народов. Он придавал большое значение переводческой деятельности, считал ее одним из важнейших средств установления и развития межнациональных культурных связей.

Среди крупных художников слова, произведения которых М. Мушфик переводил с большой любовью на свой родной язык, мы встречаем имена Фирдоуси, Омара Хайяма, Пушкина, Лермонтова, Шевченко, Чаренца и других.

Поэзия Мушфика жива. Нет сомнения, что она будет и дальше жить, благотворно влияя на все новых и новых читателей. Потому что в ней всегда ощущается биение сердца тонкого, чуткого художника, человека благородной души и могучего темперамента.

Гюльгусейн Гусейноглу

ЛИСТКИ РАЗДУМИЙ

1

Высокий я избрал себе маршрут —
Подъем, с борьбою сопряженный, крут
Мне хорошо среди людей хороших,
Что ценят человека, ценят труд!

2

Я молод, знаю — счастье предо мной,
Как месяц, что не стал еще луной,
Я только распускаю парус белый —
Не вей же, челный ветер, над волной!

3

Я в самой гуще классовой борьбы,
Одни из рядовых, что не слабы.
Мне быть поэтом времени такого?
Пойми, что нет завиднее судьбы!

Со вздохом прадед мой покинул мир,
Путь скоротал земной, покинул мир,
Бедняга, что сажал, а что пожал, —
Слезу назвав росой, покинул мир.

Дворцы Советов нам принадлежат,
Плоды расцветов нам принадлежат.
Пошире ворот распахни, дружище,
Ветра рассветов нам принадлежат!

Вот это небо с морем — наши, друг.
И все, на что ни смотрим, наше, друг!
Соцветья на земле, созвездья в небе,
Созвучья в речи — наше все вокруг.

Не навсегда покончил мир с войной.
Свобода — мать, ребенок — шар земной,
Настанет день — измученному сыну
Найдется место на груди родной.

Мое происхождение ни при чем,
С трудящимся иду к плечу плечом.
Я — человек, краса и гордость мира,
Я порожден росинкой и лучом.

В родном саду я тоже соловей,
Мои мечты раскидистей ветвей,
Мне внемлет брат-колхозник
не в землянке,
А в новой, светлой комнате своей.

Земле цвести, как мы велим в мечтах,
И нашим песням не смолкать в веках,
Великий мир, как малого ребенка,
Мы вынянчим на собственных руках!

Мы не потеряем пустошей безводных,
Всем сердцем я на празднествах
на людных,
Людей свободных радуют особо
Права на труд, учебу и на отдых.

С былыми не сравнить, наш век иной,
Людей труда я счел одной семьей.
Меня писать сегодня заставляет
Товарищ солнца — Мингечаур мой.

Трудясь, мы станем более мудры,
Откроем в мире новые миры.
Огонь, как символ взлета и расцвета,
Навод зажжет на берегу Куры.

Дела дневные днем бы кончить нам,
Заночевать, где сердце хочет, там.
А утром вновь поднять послушный парус
И устремиться к новым берегам!

Давай исполним все мечты, мой друг,
Давай осмотрим все цветы, мой друг,
И перед солнцем — ясным
и высоким —
Мятежный дух расстелем, словно луг!

Бездумный стих — безароматный мак,
 Птенец, что в небо не взлетит никак.
 Пустой, нескладный стих подобен пилу,
 Где нет красавиц, где владычит мрак.

Вчера с поэтом встретился одним —
 Скупец, сказав словцо, дрожит над ним.
 Довольно! Невлюбленных и бесстрастных
 Мы пред собою видеть не хотим!

Без вдохновения петь нельзя певцу,
 Без доброй няни жить нельзя мальцу,
 Любой, кому не день, в поэты лезет,
 Но стыд и наглецу порой к лицу!

Какой бы ни избрал в искусстве путь,
 Пускай любовь тебе наполнит грудь.
 Поэт, художник или композитор —
 Будь кем угодно, только первым будь!

Что ты, душа, волнуешься опять?
 Иль есть вершина, что не можешь взять?
 Иль в небе есть другая соколица,
 Что пляшет в ураган тебе под стать?

Я украшаю праздники побед,
 Я приглашаю звезды для бесед,
 Пойми, моя свобода необъятна,
 Я — небо и земля, я — белый свет!

Я б не писал, когда не знал бы вас,
 Друзья, без вас мой пламень бы угас.
 Народ сказал: «Пока не вспыхнет сердце,
 Не вытечет ни капельки из глаз».

Нет солища — не очнется стебелек,
 Нет ветра — не качнется фитилек,
 Когда бы мне друзья не отзывались,
 Ни звука б я из сердца не извлек!

1937

ОПЯТЬ НА ТУ ЖЕ ДАЧУ...

Опять на ту же дачу, чтоб вы там были снова,
 Под тем же самым кровом,
 И было нам случайно даровано судьбою —
 Соседствовать с тобою
 Опять на той же даче и видеть часто-часто
 Тебя — какое счастье!
 Ни дня без вдохновенья, горения и строчек...
 Писать с утра до ночи.
 Любимая! Желанье — как твой тончайший волос,
 Как сердца робкий голос.

Опять на ту же дачу, и с вами там встречаться,
 Беседовать, смеяться.
 Пугливых взглядов тайну прочту я с полуслова —
 Душа трепещет снова.
 Пленительна беседа, летевшая куда-то,
 Ни сестрам и ни брату
 Не слышна, не подвластна. Ее менять опасно,
 Так все вокруг прекрасно!
 Навеки наши души соединились тайно
 Судьбой необычайной.

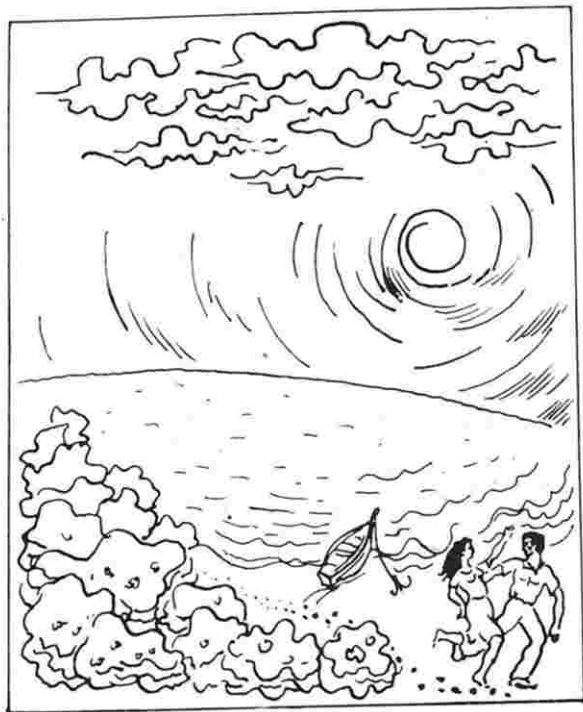
Теперь весна другая — прекрасна, первородна,
    Душа моя свободна!
И новые желанья, и новые надежды —
    Счастливее, чем прежде,
Мечты прозрачней стали и вольно мысли льются,
    Сердца дружнее бьются.
И наши дни и люди, конечно, стали лучше,
    А камни и колючки —
Мы уберем с дороги, я это твердо знаю —
    Пришла весна иная!
Опять на ту же дачу, на тот песок прибрежный,
    Где воды шепчут нежно.
Где волны словно косы — обнимут на мгновенье,
    Даруя вдохновенье.
И над тобой взлетают и бьются под дукою
    И нет душе покоя,
Когда гляжу, как воды тебя в просторе кружат...
    И гнев меня задушит.
Тебя из волн похищу и вынырну с тобою
    У полосы прибоя.
Ну, а мечты и тени останутся за нами —
    Повиснут над волнами.
О тоненькие пряди, мой пауз ненадежный
    В просторе волн безбрежном.

Стихов не знаю лучше, стихий не знаю круче,
    Чем наш Хазар могучий.
Мы в Бузовны на скалы опять с тобой вернемся,
    Помедлим, оглянемся:

россыпь,

    А огоньки — как росы.
Горящие по склонам соцветия созвездий.
    И хорошо нам вместе
Глядеть на их сиянье и слушать эти воды —
    Мотив живой природы...
О, как прекрасно летом горячим и отрадным
    На берегу прохладном!

Я знаю — в это утро душа живет как прежде
    И нет конца надежде.
В голубизну живую взглянуть и отразиться —
    Как в строки погрузиться.
Взлететь с волною вместе, упасть с волною вместе
    И не бояться, если
Волна, как конь горячий, несет тебя, играя,
    Как эта жизнь без края!

Опять на ту же дачу, приют любви удачной
В ее тени прозрачной.
И на песке с тобою беседы до рассвета —
У нас такое лето.
Дневною чередою проходит счастье наше,
И каждый день — как чаша.
И руки повстречались, а там, где лозы вьются, —
И волосы сплетутся.
Твои ночные косы черны, а ты на диво
Как лунный лик красива!
Глаза вобрали взгляды, и руки сжали руки,
Речей плененных звуки
Качаются на мочках, как серьги золотые,
Из солнца отлитые.

Пускай весна приходит, пускай на этой даче
Несет друзьям удачу,
Пускай заплещет парус веселый и суровый —
Дух новый жизни новой.
Они обшарят небо, они пройдут сквозь кручи,
Сквозь грозовые тучи,
Они пробьются в завтра, умножась многократно
В эфире необъятном.

Такое будет время, что люди днем и ночью
Не смогут в одиночку,
Помнится, словно ветер, сквозь трепетные годы
Щемящий дух свободы.

Опять на ту же дачу, чтоб вы там были снова,
Под тем же самым кровом,
И было нам случайно даровано судьбою —
Соседствовать с тобою
Опять на той же даче и видеть часто-часто
Тебя — какое счастье!
Ни дня без вдохновенья, горения и строчек...
Писать с утра до ночи.
Любимая! Желанье — как твой тончайший волос,
Как сердца робкий голос.

1937

НОВЫЙ ДОМ

Плотник дом возводил, отлично свои вбивал,
Словно для ласточек юных гнездышко он свивал.

— Джан-уста! Я тощим стал, как тонкая стела.
Мне с глазами журавлиными девушка мила.
Строй мне крепкий дом, скорее возводи жилье.
Чтобы сердце не скучало бедное мое.
Всю любовь мою и радость, все ночные сны,
Все лучи дневного солнца, весь расцвет весны
В этой комнате просторной я обнять хочу.
Мою давнюю твоего я унять хочу.

Плотник дом возводил, отлично свои вбивал,
Словно для ласточек юных гнездышко он свивал.

— Джан-уста! Ты славный мастер. Дело —
твой закон.
Пусть же в небо запахнет светлый мой
балкон,
Чтоб чахотка злая в доме щели не нашла,
Чтоб в окне всходило солнце, а луна зашла,

Чтоб почаще свет смеялся, стены золотя,
Как дитя, что здесь рождается — первое дитя.

Плотник дом возводил, отлично сваи вбивал,
Словно для ласточек юных гнездышко он свивал.

— Джан-уста! Еще желанье родилось одно.
Мне построить жизнь по нраву, видно, суждено!
Разобью я перед домом плодоносный сад.
Мой цветник с рассвета птицы пеньем огласят.
Я в краю моем прославлюсь — первый садовод.
В пестрой комнате развешу звездный небосвод.
Наша жизнь в объятьях весен, видишь, вот она,
На губах любимой солнце, на душе весна.

Плотник дом возводил, отлично сваи вбивал,
Словно для ласточек юных гнездышко он свивал.

1937

Я мощный мост. Я смелый переход
Из прошлых тяжких лет в грядущий год,
Из тьмы развалин к цветникам весны,
Из увяданья в молодые сны,
Из смерти в жизнь, от рабства к мятежу,
Вы знаете, как честно я служу.
Что мне угрозы гор и ярость рек!
Мне Ленин стал учителем навек.
Как дивы, что уперлись в грудь земли,
Быки мои стальные приросли
К породе горной, к зубьям древних скал.
Поэт еще и слов не отыскал,
Чтоб описать напор народных сил,
Который эту стройку возносил.
О как стучали юные сердца,
Пока я был отстроен до конца!
За мной века, но вечность предо мной.
Веду я битву с тяжестью земной.
Все люди, что сейчас по мне идут,
Узнают радость, солнце обретут.
Всем, кто достоин счастья, путь открыт.

Всем, кто пылает страстью, путь открыт, —
Всем, кто с любимой нежно говорит,
Чья речь, как море пенное, бурлит.
Весна и осень разом — вот мой путь.
И свадьба с нежным сазом — вот мой путь.
Советские народы с первых дней
Меня сложили, чтобы стать сильней,
И миновали пропасти в горах,
И разобщенность разбивали в прах.
И был их труд началом всех начал,
Основу изобилья означал.
И все, что жаждут завтрашнего дня,
Меня построят и пройдут меня.
Все, что свернут с великого пути,
Должны шипы взамен цветов найти.
Быть другом человеку — вот мой путь,
Служить на совесть веку — вот мой путь.
По мне пройдут в крутые времена
Материки, народы, племена.
Тот современник в дальней стороне,
Что юн еще — и он пройдет по мне.
Я выстроен навечно, навсегда —
Мост Власти, мост народного труда.

МОЯ ПЯТИЛЕТКА

Свою работу каждый сделал с честью,
Никто не отступился от мечты,
Один пробился прямо к поднебесью,
Другой проник в подземные пласты.
Заветное свершая день за днем,
Мы добрым словом время помянем.

Прекрасно жить высокою мечтою,
Трудиться для нее в поту, в пыли,
Прекрасно солнце окликать с луною,
Чтоб с нами, как товарищи, пошли.
Как хорошо найти с эпохой лад
И заходить по-свойски в каждый сад!

Объята человеческие души
Стремленьем быть по праву впереди.
Повсюду — в море, в небе и на суше
Своя мечта у каждого в груди.
Но жизнь одна — желаний не сочтешь!
Об этом вспомнив, кто осилит дрожь?

Непостоянна жизнь — река крутая,
 Пусть не впустую льется целый век,
 И пусть на мир, его окном считая,
 Не мимоходом смотрит человек!
 Не отступать от замысла, друзья!
 Мы сдвинем горы запросто, друзья!

В каком бы вихре нас ни закрутило,
 Мне, вдохновеень, ты не прекословь
 И не учишь у зимнего светила
 То исчезать, то появляться вновь!
 Есть пятилетка у меня своя, —
 Задумал сам и сам исполню я!

1936—1937

КОГДА ШЕЛ ДОЖДЬ

Дождь идет —
 это капель восторженный пляс
 Он пригоршней жемчужин швыряется в нас.
 Две угрюмые тучи сшибаются лбом —
 В небе молнии блещут и грохает гром.
 Птицы спрятаться в гнезда свои норовят,
 Водосточные трубы гудят и бурлят.
 Молний просверк мгновенный —
 и вспышка и тьма.
 Люди—кто в подворотне,
 кто скрылся в дома.
 Но, глядите,
 малыш не боится дождя,
 Озорник распеваает, по лужам идя.
 С головою накрывшись промокшим плащом,
 Двое юных влюбленных бегут под дождем.
 Дождь вовсю припустился,
 а им все равно, —
 Время их наступило,
 прекрасно оно!
 Лей, мой дождь,
 превратись в полноводный поток,

Чтоб я полное счастье почувствовать мог.
 Мне навстречу крученной струею плесни,
 Волосами любимой меня захлестни.
 Ты спасенье горящих от жажды полей,
 Хлынь, неистовый ливень,
    стремительно лей!
 К полосе полоса лей, мой дождь навесной.
 Бормочи что-то в листьях,
    в купели лесной.
 Слепай дерзко по лужам,
    как стайка ребят.
 Колоти в мою грудь,
    как в небесный набат.
 Одари меня блеском своим огненным,
 Дай мне голос,
    чтоб голосом стал он моим.
 Лейся, дождик, повсюду —
    вблизи и вдали.
 Лейся шумно и щедро,
    на благо земли.

1936—1937

ПРЕКРАСНАЯ ДЕВУШКА

Ноги твои так нежны, что тревожно —
 Как удастся им столь осторожно
 Чудное тело нести, я не знаю,
 Нежные руки твои так невинны, —
 Сердце хватать из моей сердцевины,
 Как удастся, прости, я не знаю.
 Взор твой мудрей моего, и искусство
 Глубже меня постигать мое чувство,
 Как удастся ему, я не знаю.
 Мертвых желаний моих воскрешенье —
 В каждом порыве твоём, в утешенье
 Светится, но почему, я не знаю.
 Красное солнце и то пожелтело,
 Мак почернел, когда ты захотела.
 Алая, как ты смогла, я не знаю.
 Ты — небеса, я — скворчонок, наверно,
 Как поцелуй мой сегодня отвергнут,
 Милая, губы твои, я не знаю.

1936—1937

СОЛНЦЕ И ВЗГЛЯД

Повсюду снег и лютый холод вечен,
Страшна зимы холодной чистота.
И песню ветра каждый зимний вечер
Передает мороз из уст в уста.

Все замерло и будто онемело,
Но ближе, ближе милая весна.
Хочу я, чтобы даль зазеленела
И, как мечта, воспрянула от сна.

Рукою солнце сбросит снег мгновенно,
И забуралят потоки вдохновенно,
Рукоплеща, весну благодаря.

Так оживаю я с тобою рядом,
Разлуки лед растоплен теплым взглядом,
Цветами наше счастье одаря.

1936—1937

ПРИГЛАШЕНИЕ

Словно смуглость лица, проступившая вдруг
Из-под волн твоих кос, — ночь лучится вокруг.

Блеск жемчужный луны,

Плеск послушной волны

Нас на берег зовет в тишину и покой.

Там, подруга, с тобой,

Вместе будем следить за мерцанием звезд.

Шаловливые волны их ловят взмахом

И, как мячик, швыряют друг другу луну.

Приходи же на берег в его тишину

И отрадный покой...

Я, подруга, с тобой!

Ведь такого не будет уже никогда!

Рябь воды, как слюда,

Чуть трепещет листва

И невяжны слова.

Ты к щеке моей теплой прильнула щекой,

Дай еще хоть мгновенье побыть мне с тобой.

Сладким запахом роз,

Черным ливнем волос

Ты меня захлестни.

Мы, подруга, одни.

И как смуглость лица, проступившая вдруг
Из-под воли твоих кос, — ночь струится вокруг.

Блеск жемчужный луны,

Плеск послушной волны...

О, скажи, чья душа столько счастья вместит?

Чей-то слышится смех, чья-то песня звенит.

Мысль, как светлая птица, мелькнула среди тьмы.

Это — жизнь! Это — мы!

1936—1937

ПОЭТ

Да это ведь неслыханная честь —
Поэтом стать, в людских сердцах прочесть,
Что чувствуют, чем полнятся сердца,
без спроса в них войти
И разрушать отважно до конца
все злое на пути!

Мне гулы многолюдных толп слышны,
И с этой всенародной вышины
Я вижу, как идут ко мне друзья,
смелы и горячи.
Кто мне прикажет, карами грозя:
«Не говори, молчи!»

Я вижу зелень рощ, и пену вод.
Я вижу одаренный мой народ.
Я вижу свадьбу, праздники, пиры,
сверканье всех чудес.
Я вижу, как несет свои дары
народу Тертергэс.

Пусть отойдет любитель болтовни.
Пусть хлебороб и сталевар одни
Со мною ладят и войдут в мой стих, —
        для них дорога есть.
Быть другом их и стать поэтом их —
        неслыханная честь.

Запела медь и заплясал огонь
И черный мрамор дыбится, как конь.
От стольких дел великих голова
        сама кружится тут.
Но прежде чем стихи писать, сперва
        пусть слезы потекут!

Да, для меня неслыханная честь
Поэтом стать, в людских сердцах прочесть,
Что чувствуют, чем полнятся сердца,
        без спроса в них войти
И разрушать отважно до конца
        все злое на пути!

1936

ПЕСНЬ О ТЕРТЕРГЭСЕ

I

Душа в такой дали опять,
Где даже птицам не летать,
Парит, легко взмахнув крылом,
И далеко-далече мысли —
Они над пропастью нависли
Тягуче, как туман с дождем.
О чем волнуется поэт?
Эпохе нашей равных нет
И не отыщется в былом.
Так пусть слова, подобно турам,
И вниз и вверх по склонам бурым
Летят в порыве удалом!
Пора! Мне буря не страшна,
Пусть песни, за волной волна,
Идут сквозь бурю напролом!

II

И вот пришла весна в наш край,
Тарист, пожалуйста, сыграй

В честь этой встречи что-нибудь,
Сыграй такое, чтоб в обнимку
Туман повел на танец дымку,
Чтоб наши горы всколыхнуть!
Земля под солнцем зелена,
И улыбается она
Тем, кто познал земную суть.
Листва терпенья облетела,
Тарист, настроив тарь умело,
Дай мне душою отдохнуть.
А я раздумья запишу,
Стихом, как гребнем, расчешу
И выйду вновь с Тертером в путь.

III

Не счесть заснеженных папах,
Прекрасен гордый Карабах
Весенним утром—посмотри!
Цветы выходят на тропинки,
Как перламутром,—посмотри!
На голубые облака,
На поднебесные луга,

Что изумрудны,—посмотри!
И на Тертер в тисках бетона,
Покорно сникший у затона,
Барашкокудрый,—посмотри!
Вздохни, товарищ, грудью всей
И на людей, простых людей,
Творящих мудро,—посмотри!

IV

Ответь поэту, Тертерчай,
Какая буря невзначай
В горах дала тебе исток?
Что ни струя—строка в дастане,
А половодье—как восстанье,
И вправду жребий твой жесток!
Давно исчезло то, что смысл,
Но дважды по тебе проплыл
Хотя б единственный листок?
Блещат извилюстые плесы,
А не истории ли слезы
С твоих, Тертер, стекают щек?
Бессилен был любой утес
Перед потоком этих слез,
Кто, как не я, тебе помог?

V

Давай по совести, река,
 Речь поведем издалека.
 Припомни все сначала ты!
 Горело некогда селенье,
 А ты была не в отдаленье,
 Вблизи его журчала ты,
 Так почему же в час беды
 Струе огня струей воды,
 Вскипев, не отвечала ты?
 Бежала, чтобы не вернуться,
 Боялась даже обернуться—
 От страха одичала ты.
 Отчизна-мать, поведай мне,
 Поведай мне, по чьей вине,
 Горя в огне, кричала ты?

VI

Чей это путь? Дашнакский путь...
 В ущелье каждом — кровь и жуть,
 Горьки названья мрачных скал.

Крича «от моря и до моря»,
 Дашнак принес немало горя,
 Дурную славу он снискал.
 И там и тут хватало бед,
 Шел мусават, как людоед.
 Вы помните его оскал?
 Здесь ни садовнику, ни саду
 Когда-то не было пощады,
 Гуляла смерть, свинец плясал.
 И знаем мы, и помним мы,
 Кто плакал средь кромешной тьмы,
 А кто беде рукоплескал!

VII

Не утвердились ложь и зло.
 Что миновало, то прошло,
 Дни новой жизни — рать моя.
 Питая в будущее веру,
 Мечты доверили Тертеру
 Гора моя и падь моя.
 Азербайджанец, армянин —
 Судьба едина, труд един,
 В единстве мощь и стать моя.

Тертер, прошу твоей подмоги,
Чтоб не отстать в большой дороге,
В которой что ни пядь — моя!
Спешу — нельзя терять минут,
Горя от нетерпенья, ждут
Перо мое, тетрадь моя.

VIII

Славь Алагез, хребет Мровдаг —
Из их ручьев в тебе вода,
Достойно славословь, Тертер,
Взлетишь, как жаворонок смелый,
Иль, как скакун, взовьешься белый,
Чтоб опуститься вновь, Тертер.
Но не входи, бурливый, в раж,
Ненужное не будоражь,
Былое не буравь, Тертер.
Заблудший сам себя ославит,
И навсегда его оставит
Народная любовь, Тертер.
Так не петляй, спускайся вниз
И влейся там, где Мадагиз,
Ты в грудь мою, как кровь, Тертер!

IX

Куда ни глянешь — новый вид,
Душа, как птица, норовит
Покинуть вновь гнездо свое.
И все вокруг как на ладони:
И лес, темнеющий на склоне,
И дымки легкое витье.
От горьких песен старины
Мы отличать всегда должны
Пустопорожнее витье.
Ты человечество сплотила,
И колыбель ты и могила —
Земля, пристанище мое.
Кто скажет: безобразен мир?
Прекрасен ты, прекрасен, мир,
Мое исконное жилье!

X

Раскрой глаза — перед тобой
Вершины в дымке голубой.
На Карабах прекрасный глянь.
Явив ему любовь и милость,

Природа славно потрудилась,
Отшлифовав за гранью грань.
Здесь соловьи и розы есть,
Не жаль отдать и душу здесь,
Увидишь высь — и наземь грань!

Блестит серебряное ложе,
Река на девушку похожа,
Чей грустный тар тревожит рань.
Я слов своих не досказал,
Я отвести не мог глаза,
В горах свою приметив лань.

XI

Сказать о деле не успев,
На все лады уже воспел
Восходов золото поэт.
Свое сказать ты должен слово
О том, что сердцу стало ново,
Не те мы горы-то, поэт!
Заставь, поэт, оркестра медь
Над всей планетой греметь,
Довольно шепота, поэт!
Бери заряды аммонала,

Чтоб тьма наш край не обнимала —
Была расколота, поэт!
Чтоб тот, кто наш не ценит хлеб,
Не видит нас, хотя не слеп,
Оглух от грохота, поэт!

XII

Когда наотмашь высекал
Я новый путь среди старых скал,
Услышал боль твою, гора.
Но ты меня пойми, однако, —
Тебя же я спасу от мрака
И в сердце свет пролью, гора.
И ты мою одобришь цель —
Широкий я пробью туннель.
Навстречу дню пробью, гора.
Неугасимый свет зажжется,
Должно сиять ночное солнце
В заоблачном краю, гора!
Устроим празднества потом —
Сперва прославимся трудом,
Возвысим честь свою, гора!

XIII

Из мрака солнце поднялось,
Лучами колкими насквозь
Пронзив туман и облака...
Но знаешь ли, какое солнце
Взойдет, когда сквозь мрак пробьется
Мечта, гуманная пока.
Тертер, плескайся и блести,
В пути далеком навести
И горца ты и степняка,
Ты прояви свое всесилье,
Пусть станет краем изобилья
Приют змеи и паука!
Пусть навсегда исчезнет гьма
Из царства света и ума,
Что создается на века!

XIV

Тертер, поет твоя волна,
Меня баюкает она,
А ложе мне уступишь ты.
Твоя, Тертер, волна, как лебедь,

Понять бы ропот мне и лепет —
И я не знал бы немоты!

Довольно! Свет наш не погас...
Тьма потоптала вдоволь нас,
Мы вырвались из-под пяты.
Стонали долго мы на свете —
От стонов не родится ветер,
От слез соленых мрут цветы.
Невесту в дом привел земляк —
Пусть лампа вспыхнет, словно мак,
Не подпуская темноты.

XV

Тертер, безделье позабудь
И за работу, в добрый путь.
Ты свет пролей — я пот пролью.
На Дашкесан пойдем в тумане,
В труде взаимопониманье —
Взаимовыручка в бою.
У нас в стране железо ждут,
Железо облегчает труд,
Удвой стремительность свою!

Электропоездом с размаху
Соединим Казах с Евлахом —
Молниеносность воспою.
Во тьму впечатай светлый след,
Дай моему народу свет,
Как я свой пламень отдаю!

XVI

Как Тертергэс верней назвать?
Она — красавице под стать,
Иль у нее изъяны есть?
Какие тайны спят в ущелье!
А для гулянья и веселья
Какие здесь поляны есть!
О чем печалиться тому,
Кто здесь, трудясь, кромсает тьму?
Фиалки есть, тюльпаны есть.
Под вечер друг встречает друга,
Под вечер вся поет округа,
Здесь тары есть, баяны есть.
Уходит солнце. Там ему
Не тесно ль будет? Не пойму —
Да разве краше страны есть?

XVII

Я всех людей сюда зову —
Вершится чудо наяву.
Как много новых здесь примет!
Где было кладбище немое,
Канал теперь там землю моет,
Смывает след прошедших лет.
Здесь я увидел старика,
И понял я, наверняка
Спросить о чем-то хочет дед,
И я сказал: «Печаль отбрось-ка,
Что — я? Земли, быть может, горстка.
Смотри туда, вот мой совет,
На эту стройку посмотри,
Как строят бойко, посмотри,
Тускнеет жизнь, и меркнет свет...»

XVIII

С пробитым черепом в руках
Я размышлял: все — тлен и прах,
И все пойдем на корм червям,
Не смог я справиться с тоскою,

Потом махнул на все рукою
И улыбнулся, как Хайям.
Решил свой краткий век земной
Я в праздник превратить сплошной,
Хорошим радуясь вестям.
Мои блуждающие взоры
Привлек Тертер, что рвется в горы,
Как небывалый век, упрям.
Я восхитился красотой,
И череп, как бокал пустой,
О камень я разбил к чертям!

XIX

Мы все живую воду ждем,
Огромный вырыв водоем,
Весь мир в него вместим, друзья!
Землею этой, и Тертером,
И потом, и трудом безмерным
Мы веку путь мостим, друзья!
Был в мире гостем человек —
Теперь у нас в гостях наш век,
У гостя мы гостим, друзья!
Его неплохо мы встречаем,

А если в чем-то оплошаем,
Себе мы не простим, друзья!
Так проводите гостя в путь,
Чтоб не обидеть чем-нибудь,
Добром простимся с ним, друзья!

XX

Пусть, как младенческие сны,
Отрадны будут и ясны
Любой рассвет, любой закат!
Пусть наши песни, что впитали
И нежность роз, и строгость стали,
Как ливни, землю освежат!
Пусть все, чем славится земля,
Глаза и сердце веселя,
Вольется в нас, как водопад!
После работы в час вечерний
Пусть нас приветит виночерпий,
Рокочут тар и бубен в лад!
Да есть ли в мире капитал,
Чтоб выше человека стал?
Нет, человек — бесценный клад!

XXI

Звени в ущельях, словно саз,
 Не умолкая ни на час,
 Сестра души моей, река!
 Как друг на друга мы похожи!
 Молчанья не люблю я тоже,
 Свой нрав не смей менять, река!
 Не стань похожей на сердца,
 Что истожились до конца,
 Вовеки не мелей, река!
 Песнь о зеленом духе нашем —
 Заветный гимн полей и пашен,
 Воспрянув, грянь смелей, река!
 Когда в объятьях красоты
 Поют из края в край сады,
 Нет ничего милей, река!

XXII

Народы я зову сюда,
 И воды я зову сюда,
 У всех нас празднество одно.

Пускай своей рукою каждый
 Коснется вечности однажды —
 Да будет это нам дано!
 Блестящий след, как метеор,
 Оставит, выйдя на простор, —
 Об этом думалось давно.
 Нам воздвигать под небом алым
 Дворцы с размахом небывалым
 И настезь — каждое окно.
 Взгляните: небо — старый сад,
 В нем гроздь звездные висят,
 Их выжав, пейте, как вино!

XXIII

О Тертергэсе, об огне,
Что в глубине и вышине,
 О быстротечном эта песнь,
 О счастье, о земной отраде
 И о труде не хлеба ради —
 О безупречном эта песнь,
 О душах без единой тени,
 О широте и единенье
 Чистосердечном эта песнь.

О красоте, что чувства будит,
О чувстве, что вовеки будет, —
О человеческом эта песнь.
О жизни, что мила всегда,
И о вселенной, что седа,
О мире вечном эта песнь!

1936

ОДИНОКОЕ ДЕРЕВО

На дальнем взгорье дерево стоит
Пределно неприглядное на вид.
Печальное, понутое — оно
Невиною какой порождено?
Какою бурей семя принесло,
Что в день землетрясения проросло?
Оно скитальцу робкому под стать
Пыивыкло в одиночку рассуждать.
О нем, объятom неотступной мглой,
Невольно путник говорит любой.
Оно поюю выглядит точь-в-точь,
Как с матерью расставшая дочь,
Иль, как чабан, что изможденно-тих,
Иль, как джейран, что потерял своих.
А, может, это — парус, что плывет
По воле вздожных бурь и злобных вод.
Побывом то повержен, то взметен,
Бывает ли доволен жизнью он?
А ниже — благодатный бож, густой,
И летом зеленеет, и зимой.
Кипенье родников и пенье птиц,
Фиалки скромной взгляд из-под ресниц

Дают отраду исподволь душе,
Что исцеленья и не ждет уже.
Об одиноком дереве, о нем
Теперь и ночью думаю, и днем.
Мой бедный брат! Я говорю любя,
Пусть даже вечность окрылит тебя,
Запомни, что тому, кто одинок,
И в крыльях не великий будет прок.
И в мире, где вскипает жизнь всегда,
Не сможешь ты оставить ни следа.
Охватит буря — пожелтеешь здесь,
Гроза ударит — почернеешь весь.
Сойдутся тучи плотно над тобой,
А черви молча ствол источат твой.
Я тоже одиноким был, как ты,
Но убежал от гнета темноты,
С большой роднею савлся всей душой,
С тех пор сознание обрело покой.
Словами это вряд ли передам:
Вольнолюбивым птицам и мечтам
Раскрыт души моей любой глазок.
Несчастен тот, кто в мире одинок.

1936

САБИРУ

Как мне писать, чтоб мыслей ход
ты отражала, песнь моя?
Чтоб, как весенний небосвод,
ты засияла, песнь моя?
Чтоб, заливаясь бубенцом,
ты зазвучала, песнь моя,
И лавролиственным венцом
людей венчала, песнь моя!

Немало песен есть везде,
все невозможно перепеть, —
Есть песнь о радостном труде,
что может все преодолеть,
Песнь о минувших временах,
когда пришлось нам гнет терпеть,
О том, как мы брели впотьмах,
боясь на солнце посмотреть.

Ты видел горе на веку,
ты много перенес, Сабир.
Знал, как живет бедняку,
ослепшему от слез, Сабир.

Ох, сколько на твоих глазах
сердце разорвалось, Сабир!
Рабочих и крестьян в цепях
тебе узреть пришлось, Сабир.

...Казалось, солнце и весна
даны на откуп богачам.
Досталась радость им одна,
а слезы и стенанья нам.
Им — яства сладкие,
а яд, как будто в наказанье, нам.
Им скучно жить среди услад,
лишенья — в назиданье нам.

Встань из могилы, о Сабир,
на край счастливый посмотри.
На всю распаханную ширь,
на зелень нивы посмотри.
Как на восходе проблеснул
луч светозарный, посмотри.
На тех, кто зленье нам вернул,
ты благодарно посмотри.

Восстань из мертвых! Оглянись
с волненьем трепетным вокруг.

Услышь, как, прославляя жизнь,
поет на новый лад ашуг.
Ты улыбнешься,
увидав невест азербайджанских круг.
С волненьем оглядясь окрест,
за нас порадуешься, друг.

Взгляни на ловкую Басти,
лицом свежа, бела она.
Ударный труд у нас в чести —
весь хлопок собрала она.
Ее преемница Лейла —
подруг обогнала она.
Сестрой Мария им была —
всех обучить смогла она.

Край обойдя, за пядью пядь,
на жизнь в родных местах смотри.
Легко здесь думать и дышать,
Мугань в сплошных садах, смотри.
Встань с нами в утреннюю рань, —
сияет Карабах, смотри, —
На все хозяйским глазом глянь,
на трудовой размах смотри.

Ты умер, но тебя сменить
отряд выходит молодой,
Ты остаешься с нами жить,
певец любимый и родной.
Дождь окропил весенний луг,
благоуханен трав настой.
Раскрылась роза, и ашуг
сложил мугам в честь розы той.

На новый лад теперь живем,
и сазы новые у нас,
Другие песни мы поем,
и сказы новые у нас.
В кругу сплоченном и одном —
все без отказа есть у нас.

Мечты, любовь, счастливый дом —
все это сразу есть у нас.

В домах крестьянских вспыхнул свет,
там лампы мира зажжены.
Ты огляди весь белый свет —
нет справедливее страны.
Мы будем вместе до конца,
цветет отчизна, словно сад.

В ладоши плещут девевца,
как будто в пляс идти хотят.

...Мы над могилою твоей
от мира братства шлем привет.
Писал ты для простых людей,
от них передаем привет.
Всю жизнь свою ты отдал нам, —
тебе звучит кругом привет.
Прими кавказский наш салам,
могучий, словно гром, привет!

1936

ПАМЯТИ ГОРЬКОГО

Пусть смолкнет мир поэзии на миг,
Не надо в горе образов других.
Максима образ пусть встает сперва,
Пусть спросит нас о тайнах мастерства.
Пусть стонет в сердце каждая струна.
Его не стало — в скорби вся страна.
Весь мир давно описан и воспет.
В сердца людские не один поэт
Кидался, словно жемчуга ловец,
И россыпь истощилась, наконец, —
Так думали и юный, и старик,
Но был один заветный материк,
От глаз сокрытый словно навсегда,
Его название — славный мир труда.
Великий мастер, ты его открыл.
Он был бессилен, как орел без крыл,
Но в зеркале искусства твоего
Тот мир свое увидел торжество.
Твоих картин столетья не сотрут, —
Тобой воспеты человек и труд!

1936

Н. ОСТРОВСКОМУ

Ты ввысь взлетал под стать орлу,
И расступалась высь твоя,
Ты разгонял, как факел, мглу,
В боях и бурях — жизнь твоя.

Сквозь сто смертей и туч прошел,
Ты, словно красный луч, прошел,
Не сломлен и живуч прошел,
Не знала мрака мысль твоя.

Твоя звезда — о том печаль —
Урючно закатилась вдаль.
Но прочно закалилась сталь,
Подруга сабли — кисть твоя.

1936

ЗЕМЛЯ

Ты — мать всего на свете, суть живая,
И нет тебе ни смерти, ни цены.
Скажу, тебе по праву отдавая:
И плоть, и дух в тебе воплощены.

Считаю я, твой сын, родней своею
Любую ветку и любой побег.
И зною вопреки, и, суховою
Тебя преображает человек.

Мы вместе — две души в груди одной,
Гордясь тобой, я — человек земной,
Вознес тебя к заоблачным высотам.

Хоть не повсюду ты щедра, земля,
Но превратятся пустоши в поля —
Я орошаю их упорным потом.

1936

КРАСОТА

Какой ни возьми ты народ, — красота
Его увлекает, как светлая цель.
Она, как весна, оживила места,
Где ярче звенит соловьиная трель.

Отрадно и жить, и работать при ней,
Любить — и ответный почувствовать взгляд,⁹
Дышать красотой вдохновенных людей,
Которые дивное в мире творят...

Красавица, нежная, чистая, ты —
Жемчужина вечно живой красоты.
Увидев тебя, я отверг остальных...

Но в жизни не терпит природа моя,
Булящий мой дух и родные края —
Пустой красоты и красавиц пустых!

1936

Жизнь — работа и сраженье,
жизнь — свобода, счастье, труд.
Если так, то в чем же дело,
нам терять нельзя минут.
Разве можно в нашем мире
преждевременно стареть?

1936

МОЯ ЛЮБОВЬ

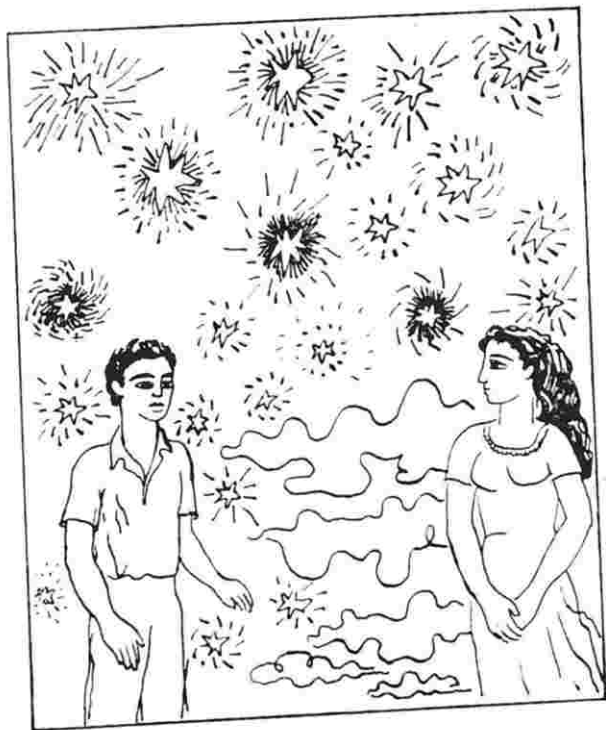
Тяжел, тяжел ты, груз моей любви,
Согнулся б и дракон под ношей этой.
Душа моя, выносливость яви,
Не призывай на помощь и не сетуй.

Все небо тучи скрюют, оплетя,
И разразятся молнией и громом.
Для бури даже море — как дитя,
Хотя оно и кажется огромным.

И все-таки я ноше этой рад,
И не прошу пощады у преград.
А напролом шагаю, напрямую.

О, эти очи, что темней озер,
В них подолгу порой купаю взор —
Любуюсь и смываю боль любую.

1936

ЗВЕЗДЫ

Порой в небе выглядите вы,
Как жемчужные цветы среди синевы,
Порой — словно россыпь слез густых, —
Не как цветы, а как роса на них.

Тому, кто вас окинет беглым взглядом,
Покажется, что вы друг с дружкой рядом,
Но в сущности не высказать словами,
Какие расстоянья между вами!

А для меня с любимой моею,
Хотя я к ней приблизиться не смею,
Нет отдаленья, не было и нет.

Мечтанья сходны и сердца созвучны,
Узнать бы вам, как люди неразлучны,
Хотя разлука длится много лет!

1936

ТВОЙ СМЕХ

Смех твой, звенящий в моих ушах,
Если б ты знала, на что похож, —
Это на маковых лепестках
Предраассветных росинок дрожь.

Смех твой, как вслухнутый ветерок,
Лепет весеннего утра в нем.
Губы твои, как звездный цветок,
Холодоватым манят огнем.

Этот смеющийся нежный рот
Видеть хотя бы издалека!
Смех твой дразнящий меня зовет
И ускользает, как облака.

Птица, летящая в высоту,
Проблеск луны среди талых ветвей —
Смех твой дает стихам остроту,
Делает чувства мои ясней.

День наступает счастливый мой,
Снова приходит весна тогда,

Молнии мечутся над головой,
И, торжествуя, течет вода.

Мир — это вечно цветущий сад,
Плеск и движенье, трепет и шум.
Жаль мне того, кто жизни не рад,
Кто не смеется и кто угрюм.

1936

НЕ ГЛЯДИ ТАК...

От взгляда твоего — тоска в груди.
И отогнать ее я не умею.
Не надо так! По-прежнему гляди!
Иначе я теряюсь и немею.

И ухожу от глаз твоих и рук
Бессильною бессонницей слепою,
И думаю — пришла пора разлук,
И снова мы разделены с тобою.

Прошу тебя, не надо так смотреть!
Уж лучше вспыхнуть и дотла сгореть,
Чем погибать от горестного взгляда.

В нем нету больше слез и нет огня...
Ну, не смотри так пусто на меня.
Не надо так! Прошу тебя, не надо.

1936

ТВОИ ГЛАЗА

Глаза в сияющем огне!
Они горят, их час настал.
В их беспредельной глубине
Свое я счастье отыскал.

Нарциссы вспыхнули в ночи,
В их звездах юность и весна.
Живые искрятся ручьи
Там, где утесов голизна.

То не глаза твои блестят —
Зажглись светила в тьме ночной.
Иль источает ранний сад
Росы и зелени настой?

Пускай ашуги всей земли
На мой вопрос дадут ответ.
Замерз я, если б не зажгли
Твои глаза свой теплый свет.

Мне без тебя не жить теперь, —
В разлуке будет жизнь пуста.

Но почему надежды дверь
То отперта, то заперта?

Твои ль глаза в садах любви

Или расцветшие цветы?

Иль то журчит — живи, живи! —

Поток, летящий с высоты.

1936

СТИХИ,
ПОДСКАЗАННЫЕ
СЕРДЦЕМ

Сердце мне подсказало:

Это — только начало.

Дни большого успеха,

эти главные дни,

Дни веселья и смеха,

эти славные дни, —

Все у нас впереди!

Это — только начало, —

Сердце мне подсказало.

Жизнь, — добавило сердце, —

превратится в жите

Для того отщепенца,

что и ценит ее.

Заводские ворота

и стальные пути,

И жемчужина пота,

как награда почти, —

Все у нас впереди!

«Счастье — в прошлом, далече», —
    дед говаривал мой,
Сердце противоречит
    поговорке былой.
Сердце мне подсказало:
Это — только начало.
Серебристые ночи — золотая пора,
И молоденький садик, и седая гора,
Раскаленное солнце и студёный родник, —
Все у нас впереди.

1936

МОЙ СТИХ

Общее с миром у нас естество,
    разве не так, мой стих?
Ты — его разум и сердце его,
    разве не так, мой стих?
Солнце дневное и звезды ночей
    принадлежат тебе.
Все хорошеет — и ты хорошей,
    нашей под стать судьбе!

Мир, словно гимн, зазвучать готов,
    ты — его ритм и тон,
Из многоликих лучей и цветов
    ты, как венок, сплетен.
Роза цветет, услышав соловья, —
    так расцветай и ты,
Глубже становится смысл бытия —
    не отставай и ты.

Но хороша только та глубина,
    что простоте сродни.
Головоломка в стихах не нужна,
    ясность свою храни.

Тонкостью ты со струною сравнись,
    славя наш век, мой стих,
Все упростилось — простым становись,
    как человек, мой стих.
Тонкость — не слабость, не смешивай их,
    разница велика.
Сила — не грубость, запомни, мой стих,
    разница велика.
Вооруженье повсюду идет —
    вооружись и ты,
С именем милым достигни высот,
    бейся за жизнь и ты.

Вехи живого — рожденье и смерть,
    жизнь переходит в смерть,
Как тяжело на такое смотреть,
    как тяжело смотреть.
Завтра в печальную эту игру
    вместе войдем, — мой стих,
Но ты похоронен, когда я умру,
    будешь в сердцах живых!

1936

ЛЮБОВЬ К ЖИЗНИ

От лучезарного мира свободы,
От вдохновенья — как мне отказаться?
От покорителей дикой природы,
От поколения — как мне отказаться?

Сердце, не будь словно утренний иней,
Солнцем сияй на небесной равнине!
От птиц, шелестящих в пронзительно синей
Ткани воздушной, — как мне отказаться?

Видите, свет в небосклоне полночном,
Дружеский строй — в единении прочном.
От почвы, обьятой цветением сочным
В дали серебристой, — как мне отказаться?

Природа щедра и скупа до предела,
Она без тебя, инженер, затвердела,
С тобой — ожила, накормила, одела,
От истины этой — как мне отказаться?

Там — соколы, скалы в тумане, как в сбруе,
Тут — куропатки, зеркальные струи,
В зрелых садах — соловьиные струны,
От зрелищ подобных — как мне отказаться?

От жизни, которая стала ареной
Страстей современных в борьбе
современной,
От солнца, от звезд, от земл , от вселенной,
От полноты, полдня — как мне отказаться?

Железные волны грохочут над бездной,
Рев урагана в лавине железной!
От лилий, подаренных Музой любезной,
От строф и желаний — как мне отказаться?

Звезды — огни моих мыслей мгновенных,
Тучи — стада моих дум сокровенных,
Небо — обитель страстей вдохновенных,
От выси подобной — как мне отказаться?

Входит любимая, речи лишает,
Голову кружит, стихи украшает,

И с любопытством душа вопрошает:
— От лейлоокой — как мне отказаться?

Перо молодое мое, не утрать
Созвучий и красок, чтоб кончить тетрадь.
Нет, я не могу притворяться и лгать!
От лет вдохновенных — как мне отказаться?

1935

СЧАСТЬЕ

Как счастлив тот, кто вырвался
из туч,

Из темноты вчерашней, словно луч,
Кто в завтрашние дали напрямик
Сегодня сквозь туманности проник,
Предвозвестив приход грядущих лет,
Кто сам горит и источает свет,
Трудиться начиная до рассвета!

Как счастлив тот, кто руку подает
Товарищу, который отстает,
Кто может силу в спутника вдохнуть
И подсказать ему вернейший путь.
Как счастлив тот, кто на земном пути
Стремится даже солнце превзойти —
Согреть судьбу, что солнцем не согрета!

В том жизни красота и смысла большой,
Чтоб жить и жить всем сердцем,
всей душой, —

Вот вера, и мечта, и цель моя,
Так мыслю я, так понимаю я.

Как счастлив тот, кто в буднях и борьбе
Прокладывает в завтра путь себе
И увлечает за собой поэта!

Я дни наполнил не трудом одним,
С мечтою мой союз нерасторжим,
Гляжу на караваны облаков
И, как вожатый, их вести готов,
И звезды, как землячки, предо мной,
Мои — и небосвод, и шар земной.
Как счастлив мир от моего привета!

Люблю зеленый луг в весенний день,
Когда, как снег, обдаст меня сирень.
Мне и зима приятна и весна,
Моим глазам приятна новизна,
Как счастлив тот, кто нынешним живет
Люблю природы вечной хоровод,
И ожидает большего расцвета!

В душе, как в небе, сполохов не счесть,
В ней вспышки есть и затемнения есть.
Душа порою просит: слез не прячь,
Жизнь такова, что рядом смех и плач.
Но мне отрадней схватки разворот.

Как счастлив тот, кто приступом берет
Вершину, что и в лед и мглу одета!

Грудиться одержимо — день и ночь,
Пустые бредни отменяя прочь,
И, ощущая взлет судьбы своей,
Работе отдаваться все сильней,
С отчизной петь, с отчизною скорбеть,
Народу посвятить и жизнь и смерть —
Как счастлив тот, кому под силу это!

1935

СЕВАН

О злосчастный Севан, о счастливый Севан,
Молчаливый Севан, говорливый Севан,
Восхищен я тобой — чудо ты из чудес,
Ты — лазури осколок, упавший с небес.
Хоть бездонным слывет голубой небосвод,
Но душа, что таишь в синеве своих вод, —
Больше, чем небеса, глубже, чем океан.
Ведь своею душой называет Севан
Тот народ, что века счастья ждал своего.
Синева твоих вод — это слезы его.
О несчастный Севан, сребролунный Севан,
Седовласый Севан, вечно юный Севан.
Знаю, много к тебе приходило людей,
Упивались они красотой твоей,
Как прибрежный камыш; застывали в тиши,
Обретали покой для смятенной души.
Не за этим пришел я сегодня к тебе.
О грядущей твоей помышляю судьбе.
Я на скалах прибрежных в раздумье стою.
Вижу силу твою, слышу песню твою.
Ты вздохнул — и волна за волною пошла,

Гребни сизые их — словно крылья орла,
Миг еще, и взлетишь в поднебесную ширь,
Но напрасно не трать своих сил, богатырь.
Слышишь девичью песню, летящую в даль?
Эта песня прекрасна, чиста, как хрусталь.
Позабудь все страданья былые, Севан,
Полной грудью вздохни ты впервые, Севан.
Чашей слез ты был в прошлом, но выплесни их.
Чашей радости будь для сердец молодых.
Эти горы — счастливые братья, Севан,
Так с любовью прими их в объятия, Севан.
Видишь, юноша лодкою правит, спеша
Невод в воду закинуть, но все же душа
Об ином помышляет, покуда рука
Крепит парус:—Севан, хоть века и века
Ты отцов наших скудным уловом кормил,
Но избыток твоих нерастраченных сил
Комсомольскому племени ныне ты дашь.
Горным кручам и каждой долине ты дашь
Сотни солнц, им дарующих свет и тепло.
Видишь, время кипучей работы пришло.
Все вокруг оживит синева твоих вод.
Ждет их в каждом нагорном селенье народ.

Верю я, что и в мой ты домчишься аул,
Мы услышим турбины ликующий гул.
Приходи к нам, Севан, с гор высоких спустись,
Озари своим светом затерянную вьсь.

1935

ЛЕДОВЫЕ ДОРОГИ

Ледовитая твердь ледовитых округ,—
Там висит обмороженный солнечный круг,
Он скрывается вдруг
И впадает в испуг от нашествия вьюг.

Горы льда, ледяная гряда, холода...
Электрических молний не ведает лед.
Ледяная орда
Дремлет в древности молча века напролет.

Здесь покоится Амундсен—доблестный прах,
Здесь—отчаянье, страх,
Бахрома ледяная висит над холмом,
Над угасшим умом.

Кре ким джином запасишься,
как следует, всласть,
Коммерсант из Америки жаждал попасть
В этот край, но ему не достались плоды—
Руки вмерзли во льды!

Дивный мех, антрацита реликвовый пласт—
Кто из нас это в руки чужие отдаст?
Пусть немедленно «Красин» крушит океан,
И—вперед капитан!

Пусть кромсает и рубит коварные льды,
Пусть проложит следы.
Зря мечтают враги,
Чтоб на севере не было нашей ноги!

В равной мере прекрасен и труден
наш путь,
Он стремится в природы счастливую суть,
Дверь в нее отвори!
Покоряй и твори!

Эй, друзья, от восторга терявшие речь,
Когда мифы о дивах читались порой!
Как назвать мне гигантов,
рожденных для встреч
В ледовитых морях с ледовитой горой?

Слава дерзости, творчеству, риску, труду,
Тем, кто смог на стихию набросить узду!

Слава сеющим свет на просторах во льду,
Словно звезды в ночную грядку!

Слава тем, кто капризной природе в глаза
Говорит, как ребенку, сурово: «Нельзя!»
Слава духу народному, этот алмаз
Украшает судьбу человеческих масс.

Как прославить словами величье чудес,
Всю отвагу челюскинцев, доблесть, порыв?
Как прославить пилотов, героев небес?
Это—быль, а не миф.

Шмят, я видел вчера твой рабочий блокнот,
Каллиграфию мыслей, творенья пример.
Пусть быстрее к нам явится новый Гомер,
Подвиг в слово вдохнет!

1935

ВЕСЕЛЫЙ ТИФЛИС

Почти не слышен твой прибой, ты что-то нынче
хмурая,
Куда шумливую гурьбой ты гонишь воды бурые?
Вокруг горячая пора,
Проснись, бродячая Кура!
Взгляни на девушек-невест, идущих по-над берегом,
Взгляни, как Грузия цветет под вешним солнцем
бережным.
Засмейся—полетим мы
Туда, где бьет твоя вода в опоры у плотины.
Я наблюдал бы целый век видение прекрасное:
Замедлив у бетона бег, зажгла ты звезды ясные,
Гирлянды над запрудой
Горят как изумруды.
Горят тифлисские огни, созвездия веселые,
И простирают свет они над городами, селами—
От сумерек к рассвету,
И ты сама цветешь, Кура, созвездьем многоцветным.
Запомню волю и простор, рабочее величие:
Турбины мощь, волны напор, гуденье электричества.

Ах, как ты хороша, Кура!
Навек с тобой душа, Кура.

На берегах твои сыны—ребята, силы полные,
Берут из глубины волны приветливые молнии.

Узорная, резная,

Ты сквозь века течешь, Кура, сердца соединяя.

Я вышел из дому вчера, в Коджори я направился.
Когда-то там один поэт утехами прославился.

А мне-то что? Неспешно

Я шел по травам вешним.

И в лес забрел. Как солнца луч, веселая и дерзкая,
В него ворвалась из-за туч запевка пионерская.

Я слышал все—до слова.

А ты, Кура, ведь никогда не слышала такого?

Пел пионер: «Крути, ЗАГЭС! На нас работай вечно
ты!»

Пел пионер и слушал лес, шептался недоверчиво,
Но весело и звонко
Звучал напев ребенка.

И ивы слушали мотив, над водами склоненные,
К теченью ветви опустив—мохнатые, зеленые...

А песнь летела в небо—

И не поймет ее слова, кто здесь ни разу не был.

Нет, ты не слышал, милый край, такого в дни
минувшие.

Пожарищ дым, вороний грай, Куры теченье мутное,
Как будто слезы с кровью

Несла река в низовья.

Я не забуду, как в ночи за тихими дувалами
Вели расправу палачи над старыми и малыми.

Сперва Каджар кровавый,

А много после русский царь добился той же славы.

Но полно—канули те дни, тяжелые, невольные.

Горят над станцией огни, во тьму ложатся волнами,
В округе заблестали...

Какие дни настали!

Гляжу, Кура, во все концы, мне жизнь такая нравится.

Здесь все ребята—удальцы, все девушки—
красавицы.

Я в опьяненьи просто

От них и от твоей воды, в которой пью я звезды.

И мне вовек забыть нельзя все эти дни тифлисские.
Грузины—верные друзья, открытые и близкие...

Душа, запой об этом!

Земля, внимай поэтам!

ТАР

Сверчки, веселая строка, единственная, цельная,
Где нити слов, как жемчуга, камня драгоценные,
Вberi, стихов течение,
В себя сияние Куры, затмившей звезд свеченье.

Кура моя—певец, свирель, и музыка, и истина,—
В душе моей звучит досель серебряный,

единственный
Твой голос изначальный—
Веселый и печальный.

На берегах—твои сыны, ребята, силы полные.
Берут из синей глубины приветливые молнии.
Узорная, резная,
Ты сквозь века течешь, Кура, сердца соединяя!

Ночь 6 ноября 1934 года

Звени тар,
Звени, тар,
Будь нежен, как прежде бывал не однажды.
Столетия ты людям поешь, а не стар,
И песня твоя—утоление жажды.
Звени тар,
Звени, тар,
Ты желчь и услада, ты таинство лада,
Народа творенье и дар.
Я помню, домишки за ветхим дувалом,
Угрюмые очи скосив на восток,
Внимали тебе, и напевом бывалым
Ты вновь чаровал их, и мучил, и жег.
Ты чадную жизнь освещал вечерами,
Взвивался и падал заветный мотив,
Вздыхали соседки, закрывшись чадрами,
Вздыхали соседи, глаза опустив.

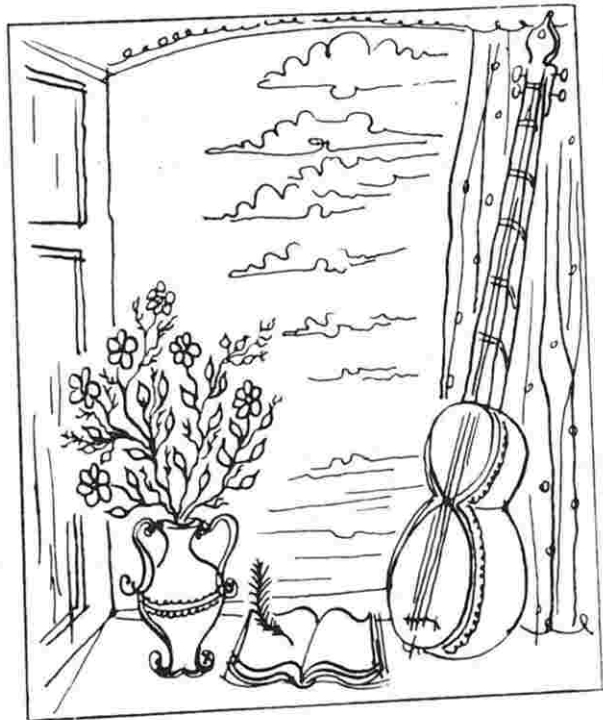
И с воплем чаргах¹ вылетал на дорогу,
И круто придерживал путник коня.

¹ *Чаргах*—один из видов мугамов—восточных мелодий.

И горное эхо трубило тревогу:
И волны ее разносили, стенья.

О тар, воскреси мне газели Сеида
И жемчуг Бахара на нить нанижи, —
Я снова навстречу возлюбленной выйду
В ширванскую ночь, в переулки Гянджи.
Кто сердцем остыл, кто с судьбою не сладил,
Забыл, как даяния жизни щедры,
Ушел от природы и долго не гладил
Шершавые теплые плечи горы;
Кто горя хлебнул, кто изведал измену,
Кто счастья не знает с любимой своей,
Кто просит о помощи, — тот непременно
Найдет утешенье у этих дверей.
Нет, песня твоя не похожа на птичью,
Особенный голос и нрав тебе дан:
Ты полон печали и полон величья,
Ты ранен жестокой красой Зарафшан.
Она отняла твой певучий покой,
Покой отняла, надела тоской.
Султаны немели,
Заслышав тебя;
Невольники пели

С тобою, скорбя;
Их жалобам вторя,
Медлительный звук
Вылечивал горе,
Как преданный друг.
И выткавший в муке
Ковры для других,
И те, что от скуки
Дремали на них,
Пресыщенный словом
Поэт-верхогляд,
В атласе багровом
От шеи до пят
На пире вечернем
Бубнящий одно:
«Налей, виночерпий,
Я славлю вино»;
И тот, кто твореньем,
Как жаждой палим,
Объятый гореньем
Вагиф иль Недим, —
Все знали
Твою несравненную власть,

С тобою стонали
И плакали всласть.

Но ты не служил ни молле, ни святоще.,
Мечеть не слыхала тебя никогда.
Она ненавидела песню... За что же?
За то ли, что песнь неподкупно горда?
Ханжи заглушали завистливым воем
Твой праведный голос, будивший сердца.
На камни швыряли тебя головою,
Костявые пальцы душили певца.
Они уничтожить тебя не сумели,—
Ни струны сорвать, ни сломать на куски.
Но был ты рожден, чтобы славить веселье,
А пел, задыхаясь от мертвой тоски.
Какая печаль нас охватит, бывало,
Какая на сердце крошечная мгла—
В мечети,
Когда «марсия» завывала
И шествовал на середину молла.
Мы плакали вместе с тобою, о тар!
Грустили над нашей судьбою, о тар!
Звени, мой желанный! Прошли времена,
Когда лишь о горе вещала струна.

Твой голос по радио весел и волен,
Впервые народ не угрюм и не болен.
О радости спой мне сегодня, тарист,
Вот сердце, что ветра свободней, тарист!
Звени, мой желанный,
Звени, неустанный,
При звуках ликующей песни твоей
У девушек лица зары розовой.

О как твои струны легки и послушны!
Кто слушать сумеет тебя равнодушно?
Я трону струну золотую твою
И все, что задумаю людям спою.
Сегодняшний день я хотел бы прославить,
Немеркнувший след его в песне оставить.
О тар, ты оружие в искусной руке,
Ты с нами поешь на одном языке.
Пусть прошлое метко разит эта песня,
Пусть прошлое в наших сердцах не воскреснет.

Звени, неустанный! Пусть слышит народ!
Бакинский нефтяник с тобою поет.
С тобою поет
Тракторист молодой.

С тобою народ, —
Не смолкай же и пой!

Звени, тар,
Звени, тар,
Будь нежен, как прежде бывал не однажды.
Столетия ты людям поешь, а не стар,
И песня твоя — утоление жажды.
Звени, тар,
Звени, тар,
Ты желчь и услада, ты таинство лада,
Народа творенье и дар.

1932—1933

БЕЛЫЕ ПОЛЯ

Волну схватила я рукою,
но выскользнула она.
Хотел я правду увидеть, но в зеркале
ложь видна.

Физули

Мне подвластны степь и реки —
все, что вижу я кругом,
Если в зеркало я гляну, отразится
правда в нем.

М. Мушфик

Давно я песен не слагал,
Я не писал стихов давно
И, не без грусти, полагал,
Что петь мне больше не дано.

Так синь небесная тиха
И безмятежна ширь морей, —
Перед рождением стиха
Жизнь замерла в душе моей.

Но, реку усмиряя, лед
Ждет, чтоб поток рванул, шая.
Что ж дух пока мой не цветет,
Как в мае мильские поля?

Мне муку выпало терпеть,
Какой не знал я на веку.
Хочу покой преодолеть
И за строкой писать строку.

Чтоб горы, поле — все кругом —
В волшебном зыбились огне.
И сожалел я об одном,
Что не писалось долго мне.

МИЛЬСКАЯ РАВНИНА

Былую равнину я вспомнил с трудом:
Убогие камни в безмолвье седом,
Лицом, как вдова, от печали темна,
Туманила разум и чувства она.

Здесь в Мильской пустыне,
где пыльная мгла,

Цветы не цвели и трава не росла.
Пристанище змей, год от года пустей,
Забыла, как ждать и сватов и гостей.

О Мильская твердь, где росли сорняки,
Тебя истоптали враги-чужаки.
От века не бросил никто, говорят,
На землю твою сострадательный взгляд.
При виде безжизненно голых камней
Печалился я от печали твоей.

Ты небо молила о ле нем дожде,
Но солнце с землей в стародавней вражде,
Лучами терзало тебя, как хлыстом,
Тебе отказав в состраданье простом.
Бесснежным морозом зима тебя жгла,
Весною ты влагу впитать не могла,
И люди, не чувствуя прока в тебе,
Сошлись в равнодушие жестоком к тебе.
И сердце обиду терпеть не смогло,
И горе твое через край перешло.
Но грустно молящий томительный зов
Никто не услышал в теченье веков.
Кружил над тобой не степной ветерок —
Шипящий в колючках безжалостный рок.
В истории предков гнушались тобой,
Как будто сама ты вершила разбой.
А рядом река полноводно неслась,

Двумя берегами зажатый Аракс
На помощь пришел бы,

да только не мог —

Обрывистый берег беднягу стерег.
Он все бормотал утешенья слова,
Над ним цепенела от зноя трава.
Края кочевали, отары брели,
И блял надрывно ягненок в пыли.
Боль в плачущем бляенье этом ночном,
Предсмертная жалоба слышалась в нем.
И тьмой порожденный тот горестный крик
Умолкнул внезапно и снова возник.

ДРЕВНИЙ КАРАВАН

Дни шли за ночами медлительно вслед,
Сквозь тучу серебряный сеялся свет —
В ней, как кенгуренок, резвилась луна,
Степная дорога ей сверху видна.
По древнему тракту сквозь звездный туман
С задумчивой важностью шел караван.
По кочкам, по ранам сожженной земли

Погонщики сонные еле брели.
Пьют горькую воду они из ведра,
Верблюдов и тех доконала жара.
А люди не верят давно ни во что,
Ничтожна игра, если ставка ничто.
И острый мороз, и палящая сушь —
Не все ли равно для измученных душ?
Обидно, что жизнь понапрасну отдашь,
Впустую надеясь на дживый мираж.
Бредет караван, выбиваясь из сил,
Как будто в боренье с дорогой вступил.
— Шагай, — говорит ему небо, — не стой!
— Шагай, — это выдохнул ветер сухой.
В шипенье змеи он услышал:
— Шагай! —
Мираж его гонит в неведомый край.
Ох, бедный ты, бедный, куда ты бредешь?
На плоской равнине воды не найдешь.
Ничто не остудит горящие лбы,
И звон бубенцов словно голос судьбы,
Он жжет, он сулит им оазиса рай:
— Шагай, караван, неустанно шагай! —
Прозрачайший звон, в нем струи холодок,
В такт душу колышет он, как ветерок.

Бренчанье мечет в низину лучи,
Хохочет и плачет в беззвездной ночи.
И вдруг оборвется и канет на дно,
В тот омут беззвездный, где вечно темно.
Вновь ночь над бесплотною сутью твоей,
Как бешеный всадник летит суховой.

ОТСТУПАНИЕ

Равнина, равнина, мой Мильский простор,
С тобой мое сердце ведет разговор!
Невесело, верь, вспоминать о былом,
Но, может быть, дело как раз было в том,
Что белое золото — истинный клад,
Чем край твой по праву и горд и богат,
Жалела для ханов и прочих господ,
Для бешеных псов, обиравших народ?

Бакинский рабочий, впервые сейчас
Я то увидал, что мне радует глаз.
И знай, что грущу я теперь об одном,
Что не был на празднике шумном твоём,

Не слушал я первых арыков трезвой
И шелест летящих по ветру знамен.
Зачем меня не было — сам не пойму,
Когда разрезали здесь ленту-тесьму.
И я ликовал бы как бурный Аракс,
И песня моя над раздольем лилась.

Крестьяне, живущие в этих местах,
Победные песни держали в зубах.
Шумели они, говорят, как поток,
И гордый Аракс расстился у ног.
Но дамбы бетонные вздыбили лбы,
Чтоб он поднимался на крыльях судьбы,
Чтоб львом белогривым он сделал скачок,
Дав сонной округе могучий толчок,
И, сам изумясь на внезапный порыв,
Разлился, всю Мильскую степь оросив.

МОЙ ВОДОПАД

Все изменилось в облике твоём,
И ты, и голос твой мне незнаком.

В журчанье повелительно живет
Стремление неуклонное вперед.
Не повернуть могучий ток реки,
Клубится он преградам вопреки.
Всегда вперед,

сквозь годы напролом,
Река течет все шире с каждым днем.
Не страшны ей ни бури, ни грома,
Вода начало жизни, жизнь сама.
Прозрачность всюду, плеск и глубина, —
Вслед за водою хлопка пелена.
Колхозная земля пьет воду всласть,
Вода бурлит,
в ней нашей правды страсть.
В ней большевистской силы прямота,
Ей внемлют страны:

небо,
вся земля,
Она поэта дерзкая мечта, —
То поутихнет, то летит, бурля.

ОБРАЩЕНИЕ

Когда со вниманием глянешь окрест,
Немало найдешь неосвоенных мест.
У нас недостаточно хлопка пока,
Поля расширяй, в нем нужда велика,
Чтоб канула в вечность былая нужда,
Ведь хлопок и нефть — наши хлеб и вода.
Чтоб стало всего в нашем доме полно,
Пусть фабрики белое ткут полотно,
А будет излишек, его я отдам
Без жалости малой на саван врагам.

ХЛОПКОВЫЕ ВЕТВИ

На каждой ветке чудо расцвело —
От свежей белизны в душе светло.
Коробочка созревшая хрупка —
Боюсь, слетит от вздоха ветерка.
Будь осторожен —
держится чуть-чуть,

Остерегайся волшебство вспугнуть.
Цветет звезда на тоненьком стебле,
Не дай ей распластаться на земле.

Не мильский хлопок бело-голубой,
Мечту поэта видишь пред собой.
Сомненье и неверие оставь:
Сбылась мечта и превратилась в явь.
Ребенка в хлопке робкая душа,
Собирают хлопок, ритуал верша.
Не поискать того, что в глубине?
Так почему же не размыслить мне?
По-новому спеша на жизнь взглянуть,
Душой явлений постигая суть,
Поэт, быть в гуще жизни — это честь,
Отообрази в стихах, что видишь здесь!

КАВКАЗ

О горы, вы в небо глядящие, горы,
Руду в своем сердце хранящие, горы...

Здесь кружатся тучи,
  рождается гром.

Здесь рек и лавин снеговое начало,
Здесь зелень ущелий меня привечала,
Тяжелая сила есть в камне любом.

Не ты ль это все
  мне вручил без возврата,

Кавказ величавый,
  Кавказ мой богатый?

Здесь все совершенно,
  ни в чем нет изъяна, —

Гудят рудники на груди великана,
Тут уголь

  и белого снега пласты.
Бакинская бухта,

  огни Рионгса,
И нефть Сабунчей,

  и запасы железа,
Над Терекон выгнули спины мосты.
Пусть эхо мой голос вернет многократно,

Кавказ величавый,
  Кавказ мой богатый!

Нехоженный лес, покрывая отроги,
Хранит свою душу, торжественно строгий.

Иль, может, он ждет, чтоб запела пила
И пояс огней обозначил поляны?

Одно есть желанье у рек Гурджистана,
Чтоб мощь водопадов турбина взяла.

Сыновней любовью
  люблю тебя свято,

Кавказ изобильный,
  Кавказ мой богатый.

Сиянием солнца обвитые горы,
Для блага народа открытые горы,

Я верю, что скоро наступит пора,
Когда средь природных твоих декораций

Железная песня начнет раздаваться —
Грохочущим строем пойдут трактора.

Взыграет Кура и Аракс полноводный,
Тебя прославляя,

  Кавказ мой свободный.

О путник, блуждающий в юных горах,

Труба возвещает начало подъема!
О южный мой сокол, до боли знакомый,
Услышь этих дней небывалый размах!
Не стой в стороне —

поднимайся к вершине

И, дали увидя в безоблачной сини,

Возьми в свои руки мой звончатый саз,
Кавказ прославляя, великий Кавказ.

1930

ОБЛАКА

Облака, я люблю ваши светлые лица,
Я люблю ваши медленные вереницы.
Было небо бледно и мертво,
Вы одни оживили его.
Отчего без нужды и расчета
Я к вам руки простер?
Отчего?

Что нам толку в бесцельном и вечном скитанье:
Что вас гонит в дорогу? Надежда? Странанье?
Облака, облака, облака,
Крутогривые облака,
Словно конница, в тихий город
Вы примчались издалека...

Есть изорванные в клочки,
А иные — чисты и легки,
Есть — как чаши, с краями налитые щедро,
Их грозит расплескать дуновение ветра...
Вы дрожите от каждого вдоха его!
Отчего?

РУКИ

Ветер вас собирает и вновь разгоняет,
Серебристая ткань выцветает, линяет,
Расползается на шелковистые нити, —
Вы опять со слезами от ветра бежите...

Пролетают над бездною величавые крылья,
Пролетают железные тускло-ржавые крылья...
Что вас ждет вдалеке, облака?
Но когда вас охватит тоска,
Но когда вы собьетесь с пути в бездорожье,
Вы с моею любимую схожи.

Юность, юность моя, соколиная стать,
Ты не хочешь задумчивой песне внимать?
Дни проходят — я песни слагаю...
Будни, верные будни, в труде, в тишине,
Когда я улыбаюсь, на облако глядя,
Говорить о любви, для заветной тетради,
Вы позволите мне?

Я не облако в небе, гонимое ветром!
Нет, мой жребий земной и мой путь не таков:
Я хотел бы, как молния, росчерком светлым
Проблестать над толпой облаков.

1929—1930

132

Когда я смолоду охотился прилежно,
Попали в руки мне два белых голубка.
И я их полюбил так горячо, так нежно,
Что вдалеке от них брала меня тоска.

Я их не обижал: ласкал, лелеял, гладил,
Следил, чтоб не было на крыльях ни пятна.
Когда пришла зима и чистый снег заладил,
У сердца прятались два хрупких летуна.

Но пленники мои окрепли, окрылились,
И упорхнули вдаль и в чистом небе скрылись:
У сердца поскреблись, понежились — и в путь.

И кажется, одно осталось мне на память:
Когда я их сжимал, хотел переупрямить,
Их злые коготки царапали мне грудь.

1929—1930

133

ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Вчера вершился страшный суд в предгорьях этих
сонных,

Река Арпа из берегов рвалась, круша и воя,
И ветры дальние несли по свету плач и стоны,
И грохотали седи с гор, сметая все живое.

Вчера здесь гасли очаги и рушились жилища,
И совы залетали в них холодными ночами,
Землетрясения волна прошла по пепелищам,
И вздохи тяжкие в горах обвалами звучали.

Землетрясение! — поток рывков, дробя породы,
И эхо разносило шум за горные гряды,
Перелетало за хребты, в степях — породе —
Так песнь печальная летит из темницы.

Как раненый горит в бреду и корчится от боли,
Арпа по руслу своему металась без сознания,
А повторяли стон ее ручьи, деревья, поле —
Как будто в мире порвалась артерия сквозная.

II

А мы увидали Арпу не такой,
на небе высоко луна.
Движенья воды навевало покой,
ни отзвука, темь, тишина.
Арпа, как мелодия, тихо текла,
и в сонном теченьи реки
У здания ГЭС, как осколки стекла,
дрожали в воде огоньки.
И Ленинка споконны дома
в серебряной звездной пыли...
Вчера здесь гремели обвалов грома,
а нынче огни расцвели,
А нынче проснулись цветы у реки,
гудки на работу зовут.
На фабриках светлых включают станки,
веселые люди идут.
Их души просторны, их руки сильны,
у них горизонты чисты.
Выходят веселые планы страны
на новые жизни листья.

Смогли мы навеки свободными стать,
  в борьбе побеждали не раз.
Стихия, мы сможем тебя обуздать,
  заставить работать на нас.
И тают последние блески росы
  на утренней чаше цветка,
И день начинает Армении сын,
  рабочий Ленинакан.

1929-1930

ВЕТРЫ

Утро ль раннее, ночь ли поздняя,
  ночь ли поздняя, утро ль раннее —
Неожиданно заявляется
  бесшабашная их компания.
«Отпирай-ка ворота!» — требуют,
  ни к чему тогда препирания.
Будто песенники гулливые,
  распевают повсюду ветры,
Путешественники счастливые,
  поспевают повсюду ветры!

Ветры, ветры, вы очень разные —
  сердобольные вы и грозные.
То пугливые, то бесстрашные,
  то беспечные, то серьезные,
Равнодушные иль пристрастные,
  раскаленные иль морозные.
Вы на севере, и на западе,
  и на юге витали, ветры,
И восточные наши запахи
  вы, конечно, впитали, ветры.

Осушая росу пьянящую,
совершаете небывалое —
Где расстался бы конь с подковами,
там встречаете небо алое.
Не убавится вашей удали,
подарили и мне бы, шалые!
Ранним утром иль поздним вечером
поравняться б с горою, ветры,
Чтоб со мною была доверчива,
я ей сердце открою, ветры!

Громыхайте, гремите, грохайте,
чтобы сила моя воспрянула,
Чтобы в бурю большая молния
осенила меня, упрямого,
Чтобы слава пришла огромная,
чтобы слово погромче грянуло —
Вы же сами внушили гордую
мне мечту о полете, ветры,
И к себе на вершину горную
непрестанно зовете, ветры!

1929

ЮНОША

С железной волей я рожден,
Петь для народа я могу.
Я новой жизнью вдохновлен,
Дышать свободой я могу.

Я — сгусток жаркого огня,
Душа пылает у меня.
С пути преграды устраняя,
Играть с природой я могу.

Любовь и жизнь полны борьбой.
Мой конь оседлан боевой.
И с песней ветра буревой
Лететь сквозь годы я могу.

1929

КАМЕННЫЙ ОРЕЛ

В стену бездушную вросши спиною,
Ты с отвращеньем взирал на людей,
В ярости был и зимой и весною,
Дьявольской тенью летал, как злодей.

Крылья твои горизонт омрачали,
Когти сломали крыло не одно.
Помнишь, как в ужасе люди молчали?
Днем от тебя становилось темно.

Ветер ли, снег ли, туман ли сгущался, —
Был одинаков твой каменный вид,
Высился нагло, ничем не смущался
Облик жестокий, чей взор ядовит.

Нищие падали на мостовые,
Воля твоя — и расправа легка,
Молнии гнева — и плети стальные
Дух вышибали, впиваясь в бока.

Каждый в отдельности край угнетая,
Ты заигрался, утратил чутье.

Втайне созрела отвага святая,
Чтоб истребить тупоумье твое.

Жертвам когтей, беспощадных и жестких,
Стало воистину жить невтерпеж.
Грянула битва на всех перекрестках.
Черствая тварь, ты ударилась в дрожь!

Новый владыка великого мира
Толпы отверженных вывел на свет.
Идол, которого рабство кормило,
Больше над нами не кружится, нет!

Счет справедливый сурово предъявлен,
Твердь сотряслась от народной стопы.
Суд совершился, орел обезглавлен:
Кости — на свалке, и когти тупы.

ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР

Ты очень далеко, и мне сейчас
В глаза твои не заглянуть влюбленно.
Как же счастье, что сближают нас
Спасительные нити телефона.

Так почему же новых дней поэт
Не должен просветлеть и вдохновиться —
Не надо умолять, чтоб твой привет
Принес мне ветер, всадник или птица.

Твоя любовь чиста и глубока,
Но трудно мне словам доверить сердце —
По телефону не могу пока
Я в зеркала души твоей всмотреться.

Тут не твоя и не моя вина —
Слова порой звучат не так, как надо,
А мне, чтобы понять тебя сполна,
Наверно, одного бы хватило взгляда.

Но ты в такой дали, что мне сейчас
В глаза твои не заглянуть влюбленно.

Мне мало, слишком мало, чтобы нас
Сближали только нити телефона.

Но завтра станет родина иной
И я, быть может, сердце успокою, —
Издаю услышав голос твой,
Лицо твое увижу пред собою.

1929

КОЛЕСА

Мечта осталась бы мечтой—

руке не стать крылом,
Не справились бы голыми руками мы со злом—

Все это чушью было,
Когда бы не колеса,
Когда б не оживила
Машины мощь колеса.

Мы с ними через пропасти легко перемахнем.
Подковы разбивающий не страшен нам подъем.

Сродни потокам горным
Они в своем движенье.
Я с вихрем рукотворным
Сравню колес движенье.

С колесами осилили мы горных пиков высь.
В сознание человечества, как бомба, взорвались.

Ход времени зависит
От тех, чью власть признали
Заоблачные выси,
Морей безбрежных дали.

Рабочий подчинил себе движение станка,
Следить за пульсом всех колес должна
Умелыми руками

его рука.
Вы пущены, колеса.
Прозрачными кругами
Вращайтесь же, колеса.

Как бы ни прятались в земле запасы
ценных руд,
Но люди с помощью колес в глубинах их
найдут.

Так в грохоте и стуке
Вращайтесь же, колеса.
Вы наши крылья-руки
Весильные колеса.

Волна, цепляясь за волну, мощнее,
чтобы впредь
Она могла бы и овраг и холм преодолеть.

Хочу, чтоб не смокли,
Работали колеса,
Усталости не знали,
Изъяна и износа.

Во славу Родины моей ваш каждодневный труд.
Пусть трактора растут в цехах, дары земли
растут.

Над всей землей родною
Несут дозор колеса.
Всегда готовы к бою
С любым врагом колеса.

1929

ТЕЛЕГРАФНЫЕ ПРОВОДА

Не поймешь, если глянешь издали, —
охраняют ли что столбы,
Иль чего ожидают идолы,
деревянные морща лбы.
Чтоб не видели, чтоб не выдали,
груз своей и чужой судьбы
Тайно взваливают на плечи им
телеграфные провода,
Ранним утром и поздним вечером
телеграфные провода.

Расстояния уменьшаете,
приближая концы дорог,
Людям стойкость свою внушаете,
если валяются люди с ног,
Растревоженных утешаете,
избавляете от тревог,
Вы — в просторах не просто странники,
телеграфные провода.
Вы — народов и стран посланники,
телеграфные провода.

147

Все, что надо сказать, — пожалуйста, —
не теряя усилий зря.

Город городу скажет запросто,
вас при этом благодаря.

Необъятные реки замыслов
и мечтаний у нас — моря.

Мы плеснем — подставляйте чаши вы,
телеграфные провода.

Каждый дом посещали чаще бы,
телеграфные провода!

Год за годом пройдет — и сбудется
предсказанье прошедших лет,
Человечеством зло избудется,
разногласья сойдут на нет,
Мир увидит, едва пробудится,
что окрасился в красный цвет, —

То известье вы так объявите,
телеграфные провода,
Чтоб навеки осталось в памяти,
телеграфные провода!

1929

КРАЯ, ГДЕ Я ЖИВУ

Знают и верят родные края:

Их я люблю с незапамятных пор.

И златовласая знает моя:

Скажут — взойду я за них на костер.

С этих вершин не сводил бы я глаз,

Радость и боль их вошли в мой рассказ.

Ивы в ущелье и горы не раз

Светом живым наполняли мой взор.

В этих краях я нашел благодать,

Знают и тропки, и каждая пядь:

Здесь я учился творить и мечтать,

И вдохновляться сиянием гор.

1929

Я ВСПОМНИЛ

Листая прожитые дни,
Я голос твой любивый вспомнил.
Я руки робкие твои
В тоске невыразимой вспомнил.

Не страстью я испепелен,
Мой дух тобою ослеплен.
Волос твоих лучистый сон,
Тот праздник, мной хранимый, вспомнил.

И необычный день и час,
Когда в тебе проснулся барс, —
Взметнулся пламень и погас, —
Тебя неумолимой вспомнил.

1929

НАШИ ГЛАЗА

Ночная мгла.

Ни звезд и ни луны,

А ночь светла,

Как первый день весны.

Ах, эта ночь!

В объятьях света — ночь.

Как небыль,

Как мечта поэта — ночь!

По гулким тротуарам разошлись

И на местах застыли фонари, —

Они, плечами подпирая высь,

Стоят на страже света до зари,

Их золотые кулаки грозят:

— Не смей к нам приближаться, тьма.

Назад!

А может, это — птицы золотые,

На землю прилетевшие впервые,

И со столбов, как бы встречать рассвет,

Хотят взлететь они друг другу вслед?

А может, это — светлые сердца
Тех, кто народу верен до конца?

Нет, это — наши зоркие глаза,

И скрыть от них грядущее нельзя.

Фонарные столбы,

Мы не слабы,

Но путь далек,

Он между гор пролег.

И нам,

когда пойдем на приступ гор,

Вы будете надежней всех опор.

Глаза!

Пред ними тает темнота,

Нежнеют, утончаются цвета,

И капли света,

как с цветов — роса,

Уходят, испаряясь в небеса,

И золотистым ливнем в тишине

Захлестывают снова душу мне.

Глаза!

Они для темноты — гроза,

Кварталы, прежде мрачные,
И ночью и днем добрым залиты огнем.

Ночная мгла.
Ни звезд и ни луны,
А ночь светла,
Как первый день весны.
Ах, эта ночь!
В объятьях света — ночь.
Как небыль,
Как мечта поэта — ночь!

1929

ПЫЛЬ

Снова пыль. Снова пыль надвигается тучей.
Что ей нужно, мой город, от тебя в наши дни?
Ты воспрял, мой Баку, Этот ветер колючий,
Ослепляющий ветер навсегда прогони.

Почему, почему не ласкает прохожих
Ветерок легкокрылый, облегчая им путь?
Почему же цветы, замирая от дрожи,
Не целуют тебя в раскаленную грудь?

Нет, позволить нельзя, чтобы выцвели с горя
Те цветы, что синеют за оградой ресниц,
Чтобы нежные взоры, как весенние зори,
Угасали от пыли, что не знает границ!

Я ли в том виноват, сын ли прошлого века,
Иль природа, старея, довела до того?
Можно ль верить иль нет мне словам человека,
Что природа не выше, не сильнее его?

Человек в емогуц — если так, почему же
Мы поныне природу безоглядно виним?

При желанье давно б среди зноя и стужи
Зеленели б деревья, было б весело им.

Но столетья прошли, пустырей не тревожа,
И садов наши деды не могли заложить.
Вековую нужду, что с сиротскою схожа,
Только мы в наше время и сумеем изжить.

Я хочу, чтоб не смел перелистывать ветер
Запыленную книгу песен жизни былой,
Пусть он в окна мои не стучит на рассвете
Чьей-то призрачно серой и дрожащей рукой.

Я хочу, чтоб луга окружили мой город,
Чтоб зеленой границей был Баку защищен,
Я хочу, чтобы лучше мы жили, мой город,
Чтоб детей не слепила пыль прошедших времен.

Кто ж тогда, как Вагиф, не прославит расцвета
Той земли, что пустынна с незапамятных пор?
И останется грусть у какого поэта,
Если ветры и рощи поведут разговор?

Станешь мне ты вдвойне, город солнечный,
Дорог,

И вдвойне — днем и ночью — я трудиться готов,
Чтоб поведать в стихах

о счастливых просторах —
О созвездье заводов и стоцветье садов.
Подойду я к окну

на рассвете
И всей грудью вдохну
мягкий ветер.

Он овеет мне лоб, и в работе поможет,
И умело отыщет подходящий мотив,
На мелодию силу он слова помножит
И рассветную песню унесет, подхватив.

1928

ЗАРИСОВКА

Ей давно восьмой десяток, голова ее седа.
Руки-крылья обломали беспощадные года.

Время тихо погасило глаз ее беспечный свет,
Сердце бьется через силу,
в нем давно надежды нет.

Никогда не улыбнется, никогда не запоет,
Вся она как лист осенний, ветер дунет — упадет.

На лицо легли морщины,
словно борозды забот,
И ладони рук усталых холодны,
как зимний лед.

Не поверишь, что когда-то и ее весна цвела,
Что меджлисов украшеньем эта женщина была.

А теперь, куда-то глядя,
потускневший взгляд застыл,
Будто встали перед нею тени скорбные могил.

Жалко немощное тело, сил последних лишена.
Старой жить не надоело, к свету тянется она.
Так засохшая былинка долу клонится, шурша:
«Ах, пожить бы хоть немного,
просит солнышка душа!»

Но а ты, моя подруга,
юность бьет в тебе ключом,
Почему же ты тоскуешь и горюешь ни о чем?

В той восьмидесятилетней жажда жизни велика,
Я не знаю, что с тобою, — от всего ты далека.

1928

ГУДКИ

Порою утренней, в рассветный гулкий час
Звучит провозительный, свербящий душу глас —
Гудки фабричные, проснувшись, будят нас.

Те звуки трубные к работе нас зовут,
В них — новый день, и новый груз, и новый труд.
Глядите: улицы пустые оживут.

И вот рабочие выходят не спеша.
Как неба синяя спецовка хороша!
Пора, друзья! Гудки зовут, поет душа.

О, позывные светлых будней! Я вам рад,
Идут работники на труд, не на парад,
И пенье тысячи станков звучит вам в лад.

Вы голос времени. Он басовит и груб.
Вы вместе с паром отлетаете от труб,
Чтоб повторяться в сотнях душ и в сотнях губ.

Мне жить без песни вашей утренней невмочь.
Вы запеваете — и тень уходит прочь.
Гоните дальше тишину, гоните ночь!

Кто улыбнется, вас заслышав, кто вздохнет,
Вы отмечаете эпохи новый ход.
Зовите нас, гудки, для завтрашних работ!

1927

КЛЯТВА

В час испытанья—
Грудью, как щитом,
Отчизну заслону без промедленья!
Кипит отвага в сердце молодом,
Готового на подвиг поколения.

Кто я?
Сын Ленина!
Ведь это он
Дорогу указал к мечте и счастью,
И потому я силой напоен,
И мир передо мной распахнут настезь!

Но если налетят издалека
Ветра и тучи,—
Внемля зову сердца,
Я молнией обрушусь на врага,
Потоком селевым смету прешельца!

Неистребима вера,
Что во мне

Пылает, словно факел негасимый,
Я с юных лет служу родной стране
И берегу ее по праву сына!

Ее не погрузить врагам во тьму,—
На страже я с ровесниками вместе!
Пускай запомнит недруг,
Что к нему
И в собственном доме придет возмездье!..

1927

КОВЕР

Работница юная, я восхищаюсь ковром,
Что соткан тобою,—сокровищницу красоты
Прекрасным твореньем сегодня пополнила ты.

Никто и не слышал, не знал о тебе до сих пор,
Но вышло на площадь

и вспыхнуло вдруг мастерство,

И светом узоров оно осветило простор.

Пусть нежные пальцы в мозолях,

пусть даже иной

На них с сожалением глянет—

потонет тот взгляд

В тех рукоплесканьях,

что в честь мастерицы гремят.

И неувядающие и немеркнущие

Те звезды-узоры, что сила искусства зажжет,

Красят и небо твое, и страны небосвод.

Я верю в тебя. Ты умеешь дерзать и творить.

И будет прославлено имя твое на земле
Повсюду, где люди умеют искусство ценить.

В искусной работе ты стала мужчинам равна.
Твоими твореньями будет гордиться страна.
Твори, мастерица Востока, во славу страны.

1927

О ЛЮБВИ

Любовь—бутон рассветного цветка,
Чиста, как снег,

светла, как ветер мая.

Все соловьи поют, изнемогая,
Душа моя крылата и легка.

Но есть другое чувство на земле,
Его зовут любовью, как ни странно.

Оно гнилушкой светится во мгле,
Нас обольщая прелестью обманной.

И, получая в дар ее цветы,
Остерегись, будь осторожен ты,
Не пей из чаши боли и сомнений.

Отравлен ядом сладостный шербет,
Плутающий, лукавый этот след
Уводит в пронасть, где клубятся тени.

1927

МАТЬ

Вновь душа, как огнем, занялась...
«Мама!»—я прошептал, чуть не плача.
«Мама, мама, твой облик из глаз
Уплывает, в тумане маяча».

Мама! Как я о маме в стихах
Расскажу? Не умею, не смею!
Все признанья заветные—прах.
Несуразны слова рядом с нею.

Нет на свете красивой такой.
Прелесть матери неповторима.
И опять за бессильной строкой
Только память, как облачко дыма.

Эти строки мне вовсе бы сжечь!
Ни к чему мне сегодня быдое...
Но коснусь—и звучит ее речь,
И больнее становится вдвое.

Голос мамы звучит, как свирель.
Бедный стих—только эхо той песни.

Что певала она, колыбель
Тихо трогая в спальне тесной.

Но, Мушфик, что ты помнишь о ней?
Ты на мать не успел наглядеться.

Осыпалось сиротское детство.

Знала б мама, что эти года
Миновали—и грусть отлетела.
Жизнь полна, и походка тверда,
Есть и цель, и любимое дело.

И святыня, которой живу,
Стала мне и стезей, и мечтою.
И распахнуто мне наяву
Небо счастья, всегда золотое.

1927

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

ТУЧЕ В ЛИЦО

Тусклой молнией махая,
как зазубренным клинком,
Ты, небось, хотела небо
заграбастать целиком.
Но к чему, скажи мне, туча,
этот грохот, этот гром?
Хватит шуму, дай же мне
поразмислить в тишине!

Без тебя забот хватает,
не мешала б лучше ты,
У меня растут раздумья,
у меня растут мечты.
Мне твоих щедрот не надо.

что же смотришь с высоты?
Хватит шуму, дай же мне
поразмыслить в тишине!

Посуди: у молодого
жизнь большая впереди,
Ни малейшей тени в мыслях,
ни печалинки в груди.
Голос мой из чистой меди,
ты надрывно не гуди.
Хватит шуму, дай же мне
поразмыслить в тишине!

На меня не надвигайся,
не дави тяжелой тьмой.
Заволакивая мраком
путь мой светлый и прямой.
Всяк простого человека
равен вечности самой.
Хватит шуму, дай же мне
поразмыслить в тишине!

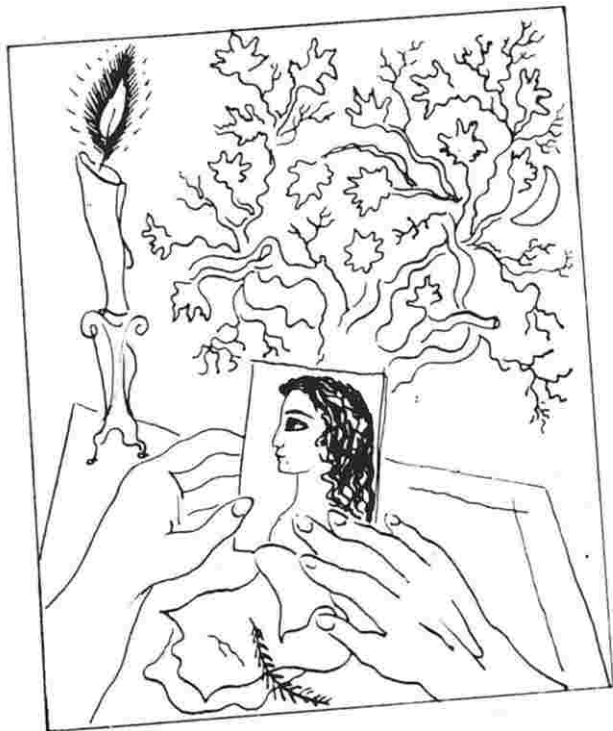
ВЕЧНАЯ ЛЮБОВЬ

Бурлит, как поток, разъяренный горой,
В груди у вселенной наш мир современный.
Он весь постоянно объят переменной.
И время—овраг, в нем поток этот пенный,
Он мутен порой, он хрустален порой.

Как только над этим задумался я,
Слегка огорчил меня нрав бытия.
Пусть вечно меняется мир вдохновенный,
Но пусть остается любовь неизменной,
Любовь моя первая, искра моя!

Желанная, вспомните, как-то внезапно
В глазах ваших вспыхнула страсти свеча.
Когда, словно светоч, волос ваших запах
Лучи вдохновенья мне в дар источал. —
Я землю и небо с трудом замечал!

То вздоха нежнее, то бури свирепей
Дни мчались, как ветры, в незримые степи.
Но эта любовь пребывает во мне.

Тоска разрослась и окрепла вдвойне,
Как тяга в живом и ветвистом огне.

Прошла в ожиданиях юность давно,
Но думать о вас мне до смерти дано.
Пусть даже в других небесах ваши взоры,
Пусть даже вы станете матерью скоро,—
Я буду возлюбленной звать все равно!

ЖИВИ, ДУША!

Дороге этой нет конца—
Нелегко путь любви, душа,
Неловко я пустил стрелу,
Она в моей крови, душа.

От искры жарко вспыхнул стог,
Огнем любви я сердце сжег,
В груди я душу не сберег,
Осколки в ней твои, душа.

Ты — соколица, ты горда,
Приют твой—горная гряда.
Меняюсь я, ты—никогда,
Живи, душа! Живи, душа!

ЛЮБОВЬ

Мне, не знавшему имя любви и пути,
Ты открыть ее тайнства не побоялась.
Сердце вырвала ты у меня из груди,
Ты у всех на виду надо мною смеялась.

Пел я п снн фиалкам, клонилась трава,
Что мое ремесло—колдовские слова?
Ты смеешься, жестокая—значит, права,
И во мне, неприкаянном, бродит усталость.

Будто в душу вместились сто тысяч разлук,
Будто небо сжимается в огненный круг...
У Мушфика ты душу взяла. Недосуг
Возвратить... И поныне твоею осталась.

ОТВЕЧАЙ

Текут мои дни, утекают года,
Так в горных оврагах струится вода,
И ты убегаешь, газель, но когда
Разлука мешала мне петь, отвечай?

Не мил без тебя расцветающий край,
Не радует птиц прилетающих грай,
Пусть душу мою заключают хоть в рай,
Все будет о милой скорбеть. Отвечай!

Судьба нас навеки свела, не шутя.
Не жить нам в разлуке с тобою, дитя,
Не смог бы Мушфжк, и крыла обрета,
Коль рядом ты, в небо взлететь... Отвечай!

МАРАЛ

Над пропастью блуждаешь одиноко—
Поранишься, кремень скребя, марал,
А я берег бы, как зеницу ока,
Тебя, такую лань, любя, марал!

Заронишь искру, глянув горделиво,
Я запылаю—пятишься пугливо.
Из родниковых глаз твоих бурливо
Лучи струятся, тьму дробя, марал!

О красоте твоей твердит полсвета.
Хоронишься от сглаза и навета—
Зачем тебе искать укрытье где-то?
В объятых спрячу я тебя, марал!

Я ждал тебя, тоску и томься,
Померкнул свет дневной — ты не пришла.
Огонь надежды навсегда угас,
Уж сад окутан мглой, — ты не пришла.

Как саз певца, перо в руке моей,
Я буду ждать тебя в тиши ночей,
И все ж не сброшу я с души ценой,
Я нел тебе одвой — ты не пришла.

Я ждал тебя до черноты небес,
Мрак обступил меня, как черный лес,
И призрак счастья меж стволов исчез,
О, что ж на голос мой ты не пришла?

Я ЖЕРТВОЮ СТАЛ

Не знаю, за что я любимой забыт?
Поверил на слово и жертвою стал.
Она на другого, должно быть, глядит,
И прихоти новой я жертвою стал.

Спросил я: неужто она не верна?
Ответили мне: рассердилась она.
Я к ней подошел, но, обиды полна,
Взглянула сурово—я жертвою стал.

Мне матери ближе подруга была,
И жизнь без нее для меня не мила.
Лебедушка белая, что ж ты ушла?
Лица молодого я жертвою стал.

Разлукою сердце мое сожжено.
Мне вновь полюбить никого не дано.
Я громко вздыхаю, но ей все равно,—
К страданиям готовый, я жертвою стал.

ПРОПАДУ

Соловей прилетает в весенний цветник,
Я сюда в предрассветную рань попаду.
И увижу я розы застенчивый лик,
Зря к цветку простираю я длань — пропаду.

Прошагал я немало путей и дорог,
А найти от напасти спасенья не смог,
От пустых пересудов тебя не сберег,
Не прикажешь глупцу: «Перестань!» — пропаду.

Нет сил в моих крыльях—усталых руках,
Бьюсь меж твердью и небом, как птица в силках,
Ты мечты моей, юности, доблести крах,
Ты владеешь мной, робкая лань — пропаду.

НЕ ОБИЖАЮСЬ

Пою я, словно соловей, но у меня особы
склад--

На розу я сердиться мог, а на тебя не обижаюсь.
На всех, кто мой покой берег, обижусь:

на весенний сад

И на родительский порог, а на тебя не обижаюсь.

Я — ловчий, соколов ловлю, мое прозвание

Саяды.

Душа моя окрылена, когда с охоты возвращаюсь.
Мои суждения о стихах порой язвительны и злы,
К своей поэзии я строг, а на тебя не обижаюсь.

ТЫ И Я

Ты улыбаешься слегка,
А я слезами истомлен.

Должно быть, так у родника
Ликует утренний бутон.

Вздыхаю, а тебе смешно,
Так ветру весело с огнем.
Всему отцвесть в свой срок дано,
Но ты прекрасней с каждым днем.

К тебе прикован, на беду,
Всем сердцем, всей своей тоской, —
Подсолнух в выжженном саду
Следит за солнцем день-деньской.

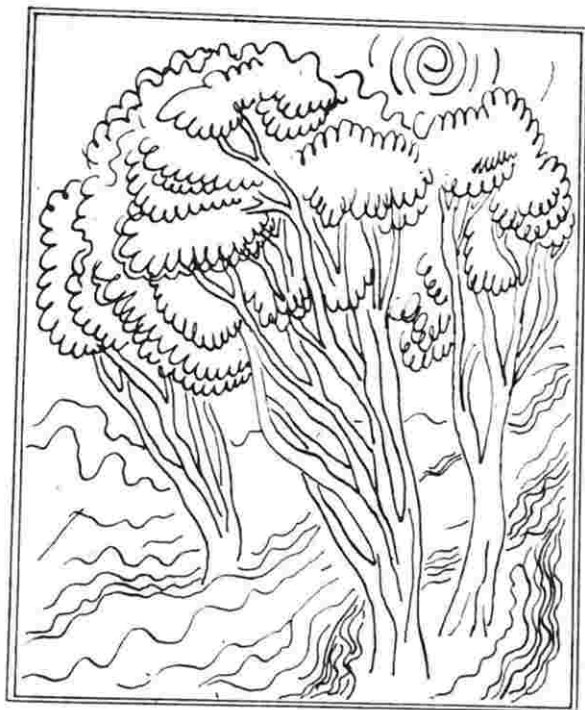
Я успокоюсь, ты грустна
И даже слезы на щеке,
Как будто плещется весна
В рожденном ею ручейке.

И, видя чистый тот родник,
Моя теряется душа,

Не может вымолвить язык,
Как ты чиста и хороша.

Шипами ранены цветы,
Печально соловья свистят.
От мысли, что разлюбишь ты,
Мои стихи кровоточат.

ПОЭМЫ

РАЗБИТЫЙ САЗ

Пролог

Герой этой притчи ашуг молодой,
Он в давние годы спознался с бедой.
И радость и горе, как с другом родным,
Делил с перламутровым сазом своим.
У самого сердца, гудя, рокоча,
Звенели три быстрых, певучих луча.
В них горных потоков гортанный напев,
То слышится плач,
                                то безумствует гнев,
То птица в полет устремляется вдруг.

I

Прекрасен тот край, где родился ашуг!
Весна — озорного цветенья пора:
Платок разноцветный накинёт гора,
И тучка заплачет, кропя с высоты
Смеющийся луг, молодые цветы.
Чудесное время любви и надежд, —

Весной, как невеста, разряжен Хелендж.
Забыв, что она замерзала зимой,

Колышется ива в росе огневой.

Под вею, у синих бурливых стремнин,

Тревожные мысли терзают Сэрин:

—О, как мне разлука с любимым трудна!

Меня, как болезнь, истерзала она.

Скорее окутывай землю, туман,

Чтоб с гор неприметно спустился Думан.

...Полуденный зной накаляет песок,

День долог, и сумрак вечерний далек.

—Побудь со мной, ветер, хоть ты

помоги!—

Вдруг слышит Сэрин за собою шаг,—

Думан, торопясь, направляется к ней.

Д у м а н

Сэрин, это я, погоди-ка, э-гей!

С э р и н

Думан, дорогой, ты ведь знаешь, что днем

Нельзя мне с тобой появляться вдвоем.

Скорей уходи!

Д у м а н

Кто нас будет искать?

С э р и н

А вдруг нас увидят?

Рассердится мать,—

Ты хочешь, чтоб я умерла от стыда?

Д у м а н

Не знал я, что сердце твое изо льда...

С э р и н

Любимый, хоть миг я с тобой побыла
И счастлива этим.

Опустится мгла,

Здесь ждать тебя стану.

О, любимый Бермек,

Доселе тебя не воспел человек!

Еще не сыскалось такого певца,

Который постиг бы тебя до конца,

189

Таинственный твой и пленительный мир,
Весной торжествующей зелени пир,
Темны, заповедны ущелья твои.
Там встречи сулят упоенье любви.
А девушки сводят любого с ума,
Глаза им природа сурьмила сама.
Там юноши горным вершинам сродни,
Как снег на горах, непорочны они...

Прозрачная ночь не приметно идет.
Блестящим надеждам теряется счет.
Как духи, бесплотнo взлетев к небесам,
На звездах мечты рассеяются там.
Рассвет наступает, как сладостный сон.
Как песнь чабана, что весной истомлен.
Где камни горбаты, тропинки круты,
Звенят родником чабана баяты.
Поет он о том, как сражался Керем...
А ссоры, влюбленным знакомые всем?
Но можно ли ссорой размолвку назвать,
Нетрудно ее поцелуем прервать,
Читая пугливую нежность в глазах,
Как будто у лани, живущей в горах.

Улыбка чуть-чуть приоткроет уста,
В них свежесть бутона, звезды чистота...

Открыть бы страницу промчавшихся лет,
Каких только песен и притчей здесь нет!
Но жаль, что проникнуть в тайник не дано —
Тот ключ заповедный утерян давно.
Но верь мне: иные придут времена
И клад драгоценный достанут со дна.
Средь праха, слепя, засверкает алмаз.
Настроит ашуг свой рокошущий саз.
Струна золотая звенит-говорит,
Смеясь и рыдая навзрыд, говорит,
Ты, ночь, не приметно и мягко идешь,
Что ж ропот росистой листвы не уймешь?
В глуби небосвода, безмерно далек,
Зажегся оранжевый лунный цветок.
И следом весь звездный, мерцающий сонм.
А запах акаций бесшумно несом
Смутительным ветром,
чтоб, сладко грустна,
Ночь вздрогнула зябко среди чуткого сна.

Поднав под чарующий этот дурман

На небо глядит изумленный Думан, —
С торжественной ночью один на один,
Поет он, не зная, что рядом Сэрин.

Д у м а н

Кто видел тебя, тем луна не нужна,
Сверкает звезда, но она не нужна.
Глаза твои ярче сияют в ночи.
Возьми меня в плен, истомь, излечи, —
Грусть в сердце вонзает медлительный нож...

С э р и н

Хотела бы знать я, о ком ты поешь?

Д у м а н

Сэрин, ты одна на устах и в судьбе.
Все песни мои навсегда о тебе.
И радость моя и дыхание ты,
Весенней листвы колышание ты!

Своею осанкой чинара горда,
С тобой не сравнится она никогда.
Не светом восхода покрылся восток,
А платья открылся слегка вороток.
Твой смех — родниковой воды перезвон,
Уста твои — розы апрельской бутон.
Как утренний ветер, походка легка,
Всю ласковость неба впитала щека.
Не струны поют, а волос твоих шелк,
О том, что Думан свое счастье нашел,
Что любит Сэрин, что она, как газель,
Любовная песнь, что не спета досель.
Сравнения эти, мой друг, хороши:
Наби не продаст молодую Яхшы;
Во славу Ширин, а не в жажде наград
Скалу сокрушил вдохновенный Фархад.
Герои сказанья Керем и Асли
Страдания пламень сквозь жизнь пронесли.
И каждый ашуг, как влюбленный Меджнун,
Дейли воспевал под гудение струн.

Люблю я прозрачность осенних садов. —
 Природа, как женщина зрелых годов,
 Мудрей и значительней день ото дня. —
 Сады увядают, но полны огня.
 Будь, ветер, потише, ты ветви не тронь:
 Дохнешь — и осыплется рыжий огонь!
 Единый конец всему сущему дан, —
 И вскорости небо покроет туман,
 И горестно туча нахмурит чело...
 А молодость любит, чтоб было светло.
 Но осени тоже прекрасна пора!

На гумнах зерна золотая гора.
 Жаль, дождь вероломный заладил не в срок,
 Ох, как бы еще урожаем не подмок!
 Богатый заполнил зерном закрома,
 А бедного снова ждет злая зима.
 Но в осени смысла и особенный есть,
 Затем, что влюбленных в селеньях не счесть.
 И в каждой семье,

или в твоей, или в той,

Зурна созывает на радостный той.

Желает подруга подружке своей
 Женатыми видеть любимых детей.
 Вечернее стадо бредет не спеша
 По пыльной дороге.

Погода свежа,
 В селе барабан упоенно стучит,
 И старым и малым он кровь горячит.
 Забыты раздоры и свары сейчас.
 — Скорей бы на свадьбу, где песни и пляс! —
 Судачат соседи.

— Не худо, чтоб вдруг
 Нас песней своею утешил ашуг.

К нам на той, ашуг, приди.
 Золотой мой друг, приди.
 Грянь потоком с высоты,
 Всенародный голос ты.
 Посвист ветра озорнои,
 Соловьиной песни зной.
 Горный снег и грозы ты,
 Звонкий смех и слезы ты.
 Ты гора, а я — туман,
 Лекарь мой, целитель ран.

Я свирель. Ты вздох мне дал,
Ум твой светел, словно лал.
Песней полною огня,
Не жалея, жги меня.
Просим, друг, не стой, спеши,—
К нам, ашуг, на той спеши!

Бараны зарезаны, подан обед!
Но свадьба не свадьба, коль музыки нет.
— Хозяин, душа, где же песни и смех? —
Торжественно-постные лица у всех,
Как будто сковал все невидимый лед,—
Без музыки в горло кусок не идет,
И, пользуясь длинною скукой стола,
Тягуче рассказывать начал молла
Про то, как велик всемогущий аллах,
Как грешников мучат в кипящих котлах,
О смерти, что ждет всех созданий земли,
О праведной жизни Али и Вели,
О том, как страдали Гусейн и Гасан.
Гнусавый был голос святейшему дан.
Внимали ему с интересом сперва,
Потом перестали:

— Ох, ноет, сова!

Послушаешь только, что мелет здесь он,
Покажется свадьба мрачней похорон,
Как будто бы жизни конец настает!
— На девушек смотрит, как мартовский кот!
— Эй, милая, тише,— услышит.

— И пусть.

Навел на гостей он унынье и грусть.—
Оставлены танцы, не слышится смех,
И в сон потянуло собравшихся всех.

Насупясь, мужчины сидят у стены.
Затем ли спустились с горы чабаны,
Чтоб слушать, как адом страшит молла?
Простые им близки, земные дела.
Ты им про овец, про ягнят расскажи,
Как страшен в горах камнепад, расскажи,
Как волка загрыз волкодав, расскажи,
Как бедных лишили всех прав, расскажи,
Про то, как чабан, этих гор властелин,
Опасность встречает один на один.
Ты смысл его жизни постигни простой,
Ты с ним у костра его песню пропой.
К ашугам, в их круг, чабана позови,
Злосчастливого, друг, горюна позови.

Надежду и веру в него посели,
Скажи, как Керем добивался Асли.
Пой так, чтоб сгорел он

и снова возник

И стал, как герои сказаний, велик.
Запнулся молла и нахмурился вдруг,
Когда появился в меджлисе ашуг.

Недвижен моллы ненавидящий взгляд,
В сердцах запахнул он парчовый халат,
Язык прикусил

и, от злости кипя,

Зменную, черную зависть копя,
Думана глазами сожрал бы сейчас...

Настроил ашуг перламутровый саз,
И замерли люди, сидят не дыша,
Народ и ашуг—

это плоть и душа.

А ну-ка, меджлису, ашуг, послужи,
Уменье и силу свою покажи!

Д у м а н

Звени, о песня, как родник,
Ведь мысли все чисты мои.

Сова, не залетай в цветник,
Я—соловей, цветы—мои.

Душа, излейся в пенье струн,
Гром, грохочи,

бурли, бурун.

Фархад со мною и Меджвун,
Коснитесь струн, персты мои.

В честь вас поет ашуг Думан,
Разоблачает он обман.
Тебе я в жертву, край мой, дам
И песни все просты мои.

Как будто волна за волной пронеслась,
Как буря бушует неистовый саз,
То песни печальны, то песни бодры,—
Саз манит и чалит в иные миры.

И нет никого, кто б стоял в стороне,
В томительном том не сгорая огне.
И нет никого, кто, услыша тот звон,
Не стал бы смеяться, коль был удручен.
Народная музыка—пламенный саз,
Он голос народа, рожденный среди нас.

Саз теми любим, кто боролся со злом,
Кто рядом с ашугом сидел за столом.

А время летело.

Окончился год,
Но песню Думана запомнил народ.
С ней людям живется светлей на земле,
Забыта дорога к Наджафу-молле.
В мечети своей он закрылся один,
Как филин ночной, обитатель руин.
Никто не толкует докучный Коран.
Любовь прославлял не напрасно Думан,
Сложив безыскусный, но искренний стих
О самом насущном,

о душах живых.

И люди открыли ашугу сердца,
Познав в этих песнях себя до конца.
Песнь — радость народа,

его колыбель.

Беда с нею легче,

доступнее цель.

Меня про Наджафа спросили друзья, —
О нем рассказать беспристрастно нельзя.

Но я постараюсь...

Обжора и плут,

Он правил в селенье и свадьбы и суд.
Повсюду, где сунет он остренький нос,
На ближних состряпан подметный донос,
И старых и малых чернил языком,
Чтоб денежки их заграбастать тайком.
Бывало, зимой голодает народ —
Молла под проценты зерно отдает.
А с виду он скромнен — одна доброта.
Молитва, на слух, непорочно свята,
Блестят его глазки,

Наджаф оживлен,

Считает он прибыли в день похорон,
Он мысленно всех прихожан закопал.
Беда, коль в отаре баран захромал, —
Шепча заклинанья, молла уже там,
Жир волчий втирает несчастным скотам.
Невежда, он знает одно ведовство,
Но люди лечиться должны у него, —
Под видом лекарства даст склянку с водой,
Селенье овлеет проходимец седой.
Чуть пловом запахнет,

там, зван иль не зван,

Себе набивает живот шарлатан.
Но мрачен Наджафа завистливый дух.
Отныне везде ненавистный ашуг,
Стоит перед ним наподобье скалы.
Клянет его черное сердце моллы,
Но он не сдается — себе на уме,
Зловещий шайтан в белоснежной чалме.

III

Глухое, метельное время избрав,
В лачугу к Байраму явился Наджаф...
В тот памятный вечер был в доме один
Отец героини сказанья Сэрин.
И тут заработал молла языком:
— Ты беден, Байрам, ты с бедою знаком,
Дитя пожалей, ты, видать, сгоряча,
За нищего дочь выдаешь зурнача.
Он песни слагает, на сазе бренча,
Народ богохульным напевам уча.
Раскаешься горько, заблудший мой брат.
Пред дочерью будешь во всем виноват.
Подумай хотя бы о том, наконец,
Что дом содержать не сумеет юнец.

Неужто ты дочку бродяге отдашь?
У нас на примете богатый Дадаш.
Он знатен, в селенье своем — голова!

Б а й р а м

— Эх, надо спросить у девицы сперва,
Кого она любит,

кто нравится ей, —
Сдается, Думан ее сердцу милей...

Н а д ж а ф

Отец — это мудрый старик-садовод.
Себе на потребу взлелеявший плод, —
Дичок неугодный он вырежет прочь,
Проучит кнутом непокорную дочь.
Ты беден,
а зять твой — мешок с серебром,
Совета не примешь,

не кончишь добром!

Б а й р а м

Какая любовь, если любит один!
Дадаша в глаза не видала Сэрин.

Он груб, а она и слаба и хрупка,
Не выйдет из дочки жены кулака!

Лихие в селе заварилась дела!
В дорогу чуть свет снаряжился молла.
По горной тропинке погнал он коня,
В Гушчу поспешает, Байрама кляня.

...Поземка вертела шайтаньим хвостом,
К Дадашу ввалился он в каменный дом
И начал хитрец распалать богача,
Тот даже вскочил, кулаками стуча.

Д а д а ш

Отвергнуть меня! Как он смеет, наглец!

Н а д ж а ф

Похитить скорее, и делу конец!
Да только не медли,— кудахчет молла,—
Не дай, чтоб девчонка тебя провела.
Добром свою дочку не выдаст Байрам,
Он даром что беден, но горд и упрям.
Не хочешь посмешищем стать для киши—
Коней оседлай и в Хелендж поспеши!

На первой заре кукарекнул петух,
Пополз по селенью нерадостный слух:
«В Хелендж этой ночью ворвался отряд,
Кого-то похитил Дадаш, говорят»,
«Невесту ашуга, ах, горе и срам!» —
Недобрая весть разнеслась по дворам.

И этим же утром, ашуга позвав,
Паучьи тенета развесил Наджаф,
Дает подстрекатель коварный совет:
— Нас всех оскорбили! Хватай пистолет!
Тебе одному отомстить суждено,
Смой вражеской кровью бесчестья пятно.
Знай, честь человека—превыше всего,
Убить ты обязан врага своего.
Тебя обездолил развратный богач,
Но будь осторожен, оружие спрячь.
Ступай, чтоб никто нас вдвоем не видал,
Дадаша улей, час возмездья настал!

• • • • •

Дорога то круче, то вдруг под уклон,
Косматою тучей закрыт небосклон.
Кто скачет по снежным дорогам Хызы

Быстрее летящей по небу грозы?
Стремительней мысли, напряжен, как лук,—
Он ветра напарник, буран его друг.
Вкруг стонет и кружит природа сама,
Дробится на части морозная тьма,
Как облако дыма дыханье коня,
Глаза его дикого полны огня,
Вздывает он снежную бурю кругом
И, будто играя, осидил подъем.
Гранитных уступов недвижны рога,
Мчись, всадник, и ярость обрушь на врага!

Лети безрассудно и слепо стремглав,
Оружье вложил в твои руки Наджаф,
Кровь в сердце клокочет черна, горяча,
Срываются камни, по кручам стуча.
Отняли пречистую радость твою...
Торопится всадник, он враг бытию!

Вернемся к Сэрин, увезенной тайком,
В хоромах Дадаша она под замком.
Здесь нет никого, кто б несчастной помог, —
Дадаш свою жертву, как коршун, стерег.
Хирела она, словно утром свеча,

В жестоких руках кулака-палача.
Вокруг веселятся, пируют кругом.
Постылей темницы насильника дом,
Как птица, которую держат силки,
Колотится сердце в оковах тоски.
Сэрин одинока, несчастна Сэрин...

Дадаш всей округою правил один,
С ним в дом приходили беда и разор,
Он жен обижал и бесчестил сестер.
Ни с кем не считаясь, творил он разбой,
Начальник и вор, похититель ночной,
Злодей издевался над бедной Сэрин.

Гушча затерялась среди горных стремнин.
Селенье в снегах, не заметишь его,
Но рано иль поздно весны торжество

Растопит оковы безмолвного льда.
В ущельях опять засмеется вода,
И мир, опьяненный в апрельском цвету,
Под солнцем забудет зимы маету,
И поступь мороза, и грохот лавин.
Но только вернется ли счастье к Сэрин?

Буран бушевал, свирепая в ночи,
Лишь в полночь добрался Думан до Гушчи.
В крошечной метели нашел он с трудом
Айдына убогий, окраинный дом.

— Ты знаешь, зачем прискакал я сюда,
С тобой бы такая случилась беда,
И ты бы к ответу Дадаша призвал!
Бесчестный, он силу свою показал,
Но право ему я свое докажу,
Разбойному гнету конец положу.
Лебедку мою он насильно увез.

Он здесь неприступен, как горный утес,
Но можно ли сердцу снести моему,
Что гибнет Сэрин у Дадаша в дому?
Святой Азраил, ты мне силы придашь,
За все мне ответит проклятый Дадаш!
...В туманном рассвете морозного дня
Взлетел, словно птица, Думан на коня.
Повсюду безмолвная снежная сонь,
Но в жилах Думана клокочет огонь.
И с губ воспаленных, искусанных в кровь,
Проклятья и стоны срываются вновь.
Поругана честь, и разбита душа...

Дадаш тем же утром рысил не спеша
За новым побором к соседям в село.
Не зная, что время его истекло,
Не чувствуя смерти своей впереди...
Вдруг всадник навстречу.
И встал на пути.
Объял тут Дадаша вешуточный страх,
Оружие шарит рука второпях.
Тут выстрелил первым, не целясь, Думан:
— Расчет получи за разбой и обман!

Свинцовый подарок прими от меня! —
Дадаш покачнулся, сползая с коня.
Растаяло эхо среди гор снеговых,
И сцова безлюдно в ущельях немых.
Снег валит и валит,

бесстрастен и бел,
В бесчувственный саван Дадаша одел...
Думан возвратился поспешно в Гушчу:
— Сэрин я немедленно видеть хочу! —
И крадучись,
темным накрывшись платком,
Сэрин прибежала к Айдыну тайком.
— Сэрин, говори, это ты или не ты?

Иль может спустилась звезда с высоты?
Невеста, голубушка, глянь на меня,
Отвыкла пугливая лань от меня.
Захочешь ли сбросить железный капкан,
Бежишь ли со мною?—

пытает Думан.

Склонилась Сэрин и от страха молчит,
Ее голубиное сердце стучит.
Дрожит, и бледнеет, и плачет она,
Вздымается грудь, как под ветром волна.
Ресниц истончился мерцающий шелк,
Слезами сияющий взор изошел,
А сердце заныло, как будто каман.

Думан

Пойдешь ли со мною?

Сэрин

Любимый Думан,
С тобою в огонь я и в воду пойду.
Но только мне страшно накликать беду.

Думан

Бояться Дадаша забудь навсегда,
Он в панцирь закован из снега и льда,
Слепою поземкой его занесло.

Сэрин

Он утром поехал к соседям в село...

Думан

Его я на узкой тропинке настиг,
Свидетелей нет, кроме гор снеговых.
Должна ты бежать из постылой тюрьмы
Сегодня же ночью.

Сэрин

Где скроемся мы?

Думан

Не думай об этом!

Поможет аллах

Нам спрятаться в дальних лесистых горах.
А хочешь—в долине мы место найдем.
Повсюду отныне мы будем вдвоем,
В жемчужном тумане,

у синей воды,
Навек затеряются наши следы.

Исполнены веры, любви и надежд,
Влюбленные утром вернулись в Хелендж.
Недолгою только их радость была:
Взбесился при виде ашуга молла,
Не чаял его он увидеть живым.
«Ах, ловкий злодей, я разделаюсь с ним!
Теперь по этапу пойдет он в Сибирь»,—
Бормочет злорадно ночной нетопырь.
В глаза говоря:

— Не спеши, погоди,
Есть время в запасе у вас впереди,
Не будет действительным договор ваш,
Покуда считается мужем Дадаш.
Со свадьбой придется чуть-чуть
подождать,

Затем что нельзя шариат нарушать,—
Думану нашептывал так он в лицо.

Доносное в волость строча письмецо.

Волнение в Гушче между тем поднялось:
Дадаша заморзшее тело нашлось.
Всех родичей поднял свирепый порыв,
Сам пристав приехал, письмо получив.
В Хелендже на площади кони храпят,
Сошлись богатеи, расправы хотят.
Закован Думан по рукам и ногам,
В лачуге Байрама и ругань и гам:
Сэрин всенародно избить норовят,
Всех больше Дадаша старается брат.
Взывает Байрам:

— Не позорьте седин,
Убейте меня, пощадите Сэрин!
Но пристав хозяйски прикрикнул на них:
— Уймись, девчонку оставь-те в живых,
К чему добивать этих жалких собак,—
Они с голодухи подохнут и так.
А этого взять!..—

И солдатский конвой
Ашуга Думана погнал пред собой.

Мой друг, куда тебя ведут?
Как без тебя мы будем тут?
Зачем ты скован по рукам,
Как дальше жить без песен нам?
Куда пролег твой путь, скажи?
Остались горы без души.
Кто, пред твоей склонясь бедой,
Вослед тебе плеснет водой?
Примета добрая живет:
Вода обратно приведет.

В селенье настала унылая тишь,
Дух сломлен его, как осенний камыш.
Когда же опять возвратится весна
И реки очнутся от долгого сна,
Заплачет вода:

— Мой ашуг, погляди
На зернышки горя у мака в груди.
Поникли тюльпаны в тишайшей тоске,
И слезы-росинки мерцают в цветке.
Припомним веселые песни твои,
Печально застонут в ветвях соловьи.
А дождь морозящий заладит с утра.
Окутает горы тумана чадра.
Раздастся потока грохочущий вой,

О камни он биться начнет головой.
Наклонятся ивы, застыв у излук,
Как дети почали, как сестры разлук.
И тень ожидания падет на сады...
Но лес многошумный у горной гряды
По-прежнему будет суров и могуч,
Розовое сердце забьется у туч.
Луна, что оранжевее й меди самой,
Осветит ашугу дорогу домой.
Когда она светом, устав, изойдет,
На смену ей звездный придет хоровод.
А утром, прищуря пылающий глаз,
Начнет его солнце искать среди нас.
И, спутники вешних небес, журавли
Искать его станут в пределах земли.
Ждет сокол, ветров буревых ученик,
Ждет житель ущелий крикливый кеклик,
Ждут те, кого в песнях своих он воспел,
Всем сердцем желая, чтоб он уцелел.

— Навеки дорога его увела,—
Он сгинет в Сибири,—
ликует молла.—
На десять годочков его упекли,

Какими он вернется к нам.
Вновь голос песни оживет
В весеннем многозвучье вод.
Взлетит напев ее простой
К вершине, солнцем залитой.
Пусть зазвенит, людей бодря,
Свободным соколом паря,
Чтоб душу распахнул Хелендж
Для новых песен и надежд.
Праздник нынче царь справляет,
водки, пива не жалеи!
Дом Романовых встречает
трехсотлетний юбилей.
Триста лет, как кровопийца
тяжело воссед на трон,
Триста лет, как наползает мрак ночной
со всех сторон.
Озарен парадным светом разукрашенный чертог,
Только знаем,
кто-то, где-то подведет всему итог.
По-хозяйски полновластно
заскорузлую рукой
Подчеркнет итог тот красной,
пламенеющей чертой.

Праздник царский дом справляет —
шум и треск на целый свет!
Только кто-то отравляет желчью
сахарный шербет...
Хочет новые оковы
для народа царь ковать,
Но в честь праздника такого
он решил поблажку дать,—
Был на все расцетец точный
у монаршего ханжи,
И в честь праздника досрочно
распахнулась дверь тюрьмы.

Возвратился в горный стан
Мой герой ашуг Думан.
Под рукой певучий саз—
Все богатство, весь припас.
Переливчат перламутр,
Песня трогает сердца,
Смысл ее и прост и мудр,
Можно слушать без конца.
Он на свадьбе—первый гость,
И про лавен и любим;
Счастливы тот, кому пришлось

За столом с ним быть одним.
Ты играй, струна быстра,
Прибауточка остра.
То смешит она народ,
То кинжалом полоснет.
И джейран он и стрелок,
Ловчий сокол и синок,
Миротворец и бунтарь,
Струн янтарных государь.

Разлуке конец, и в Хелендже родном
Думан и Сэрин поселились вдвоем.
Но в счастье есть горькая примесь беды,—
Так ветер осенний дохнет на сады,
Осыпятся листья, и голá
Огонь очага покрывает зола,
Вдруг искрами уголь, надтреснув, пальнет.
Думану не спится всю ночь напролет.
Глядит напряженно в тревожную тьму,—
Болезненный слышится кашель ему.
Ох, многих чаютка в могилу свела—
Сэрин слишком долг Думана ждала.
Ты спросишь:
    быть может, глумились над ней?

Тоска по любимому пытки сильней!
Бывало, сидит, затаясь в уголке,
Без солнца одна изнывает в тоске.
Любила, но милый безмерно далек,
И робкой надежды чуть тлеет огонек.
Из чаши чужих наблюдающих глаз
Пила она яд осужденья не раз.
И плак до время, ей лоб бороздя,
И косы тускнели, как струи дождя,
Ссутулились плечи—старухе под стать,—
Нелегкая доля любимого ждать.
Нельзя описать, что терпела она:
Отчаянье, страхи и ночи без сна.
Тогда на щеках поблудневшей Сэрин
Чахоточных пятен зажегся рубин.

VI

Однажды, вечернее время избрав,
Думана позвал для беседы Наджаф,
Седых аксакалов собрав заодно,
Ханжей, мракобесов, живущих давно.

Наджаф

Думан, ох Думан, говорил я не раз,
Забрось-ка подальше свой мерзостный саз,—
Творцу неуютно твое ремесло,
Оно тебя в пропасть, Думан, занесло.
Твое песнопенье и шутки срамны,
Пой богу хваленье, святые псалмы.
Возрадуй аллаха, послушай меня,
Чтоб смиренно, без страха, ждать Судного дня.
Чем песнями тешить греховную плоть,
Подумай о том, как врага побороть.
Иль, может, ты счел, вольнодумный смутьян,
Что петь и бренчать разрешает Коран?
По струнам ударишь, мол, все и почему,
Ты сам свою душу терзаешь бичом.
Чем сердце вверять непотребным мечтам,
Имамове восславь, как придет мухаррам¹.

¹Мухаррам — первый месяц мусульманского лунного календаря, считающийся месяцем траура. В этот месяц были убиты несколько имамов (святых), почитаемых мусульманами шиитского толка.

Поймешь, что старинные люди правы,
И вылетит сурь из твоей головы.
Прекрасен аллаха заоблачный рай,
Там все, что захочешь,

сиди — выбирай!

И струй благозвучье, и неги волна,
Хрустальны кубки там полны вина.
А этот наш мир — окаянный фантом,
В грехе погрязая, мы в ад попадем.
В том пекле подземном

и ужас и страсть!

Дракон разевает кровавую пасть,
Ужасное жало вонзает змея,
Жжет тело огонь, языками грозя.
В огромных котлах, в раскаленной

смоле,

Увидишь того, кто грешил на земле,
Низвергнутых в грозно клокочущий ад!
О сын, отвернись от греховных услад.
Ты идолам служишь,

твой саз — истукан,

Шайтанье занятие ты выбрал, Думан.
Святою молитвой грехи искупи,
На праведный путь, если можешь,

ступи!

Старец

Ашуг, хорошенько подумай сперва,
Священнослужителя верны слова.
В твоей голове суесловия чад,
Твой саз оскорбляет святой шарият.
Ох, ох! как под старость расквасишься ты!
Намаз¹ совершай, соблюдая посты.

Наджаф

Добра я желаю, послушай меня:
Здесь рыщет повсюду Дадаша родня.
Кровавой расправы пожнешь урожай,
Немедленно в город, Думан, уезжай!

Шагая домой сквозь ненастную тьму,
Ашуг мой не знает, что делать ему.
Колотится сердце, и в мыслях разброд.
«Уехать иль нет?» —

он вопрос задает.

¹ Намаз — мусульманская молитва, совершаемая пять раз в сутки.

Эй, друг мой, не слушай ханжей и невежд.
Зачем ты задумал покинуть Хелендж,
Заоблачных гор и ущелий страну?
Что в городе делать зимой чабану?
И если бы даже работу нашел,
Повсюду увидишь один произвол.
Кто сдаст тебе угол, бедняк, за гроши,
Что станешь в морозы ты делать, скажи?
Злой ветер, со всех задувая сторон,
Стучится в разбитые стекла окон,
Сосудьки висают гирляндами с труб,
Дыхание паром срывается с губ.
Ночами покоя не будет тебе, —
По-волчий буран завывает в трубе.
Ты вздумашь крохи тепла уберечь,
Но щетки не сыщешь, чтоб бечку разжечь,
Вдали от друзей, от родного гнезда
Ты, всеми забытый, замерзнешь тогда.
Душа твоя станет холодной, как лёд,
И сам ты погибнешь, и песня умрет.

В росу обратится тяжелый туман.
Лицо свое прача, рыдает Думан, —
На раннем рассвете Сэрин умерла.

— Меня не послушал,—

вздыхает молла,

Несчастьем грехи обернулись твои.
Один, нераскаянный грешник, живи!

На кладбище дальнем и слезы и стон,
Свершают печальный обряд похорон.

Ч рнеет могила, сыра, глубока,—
Сэрин от страданий теперь далека,
Не слышит рыданий, все кончилось вдруг,—
Замкнулся заране начертанный круг
Нашла исцеленье, бедняжка, от ран.
Читает Коран белоглавый шайтан,
Грехи отпустил многогрешный молла,—
Она непорочной голубкой была.
А в сердце Дума́на родятся слова,
Поныне та песня в народе жива.

Я снова горе испытал,
Навек ушла любовь моя.
От всех страданий я устал,
Меня вела любовь моя.

Разлука, душу мне тесня,
В крутом огне сожгла меня.
Сберег я сердце от огня,
Там песнь жила, любовь моя.
На правду обопрись, Дума́н,
Разоблачай ханжей обман.
Был саз тебе волшебный дан—
В ем умерла любовь моя.

VII

Он мается, бедный, всю ночь на ролет,
Виденье покоя ему не даст.
Он страха исполнен, как узник в тюрьме,
Пред ним то аллах в светоносной чалме,
То старый молла в одеянье простом.
А ветер стучится морозным перстом,
В дом грубо врывается, стужей дыша,
Ту ниточку рвет, где крепилась душа.

Нет в бедной лачуге ни лампы, ни свеч,
Лучину дрожащей рукой не зажечь,
Когда она светом коптящим взялась,
На стенке висящий увидел он саз,—

Играл перламутром он в беглом огне,
Как будто бы утро цвело на стене.

—Мне правду сказал преподобный молла,
Греховная песнь до беды довела.

Ты саз, очарованных душ властелин,
Мне больше не нужен без милой Сэрин!—

Взял саз
и на улицу выбежал с ним!
...Лист желтый безжалостным ветром

гоним
За то, что до срока упал и засох...
Рвет сердце на части мучительный вздох,
Он ищет ответа в пустых небесах:
—Неужто за песни карает аллах?

Подумай, ашуг, и свой саз пощади.
Его не напрасно прижал ты к груди.
Обманщик молла, как лисица, хитер,
В нем злобы и зависти тлеет костер.
Настроен твой саз на особенный лад, —
Он совесть народа,

в нем песенный клад
Ведь струны такое таят волшебство,

Как будто из сердца идут самого.
То звук замирает, то вдруг убыстрен.—
Больных исцеляет рокошущий звон.

То звук истончится, как льдинка весной,
То солнечно плещет широкой волной.
Он жизни созвучен,

в нем правда жила—
Злодейское дело задумал молла!
Не слушай Наджафа, в нем совести нет,
На песни народа кладет он запрет.

Ашуг размышляет, в печаль погружен.
Он темен сейчас, как ночной небосклон.
Вдруг ветки под ветром вздохнули, шурша:

—Моллы приказанье не слушай, душа!—
Ручья зазвенело живое стекло:

—Забудь про моллу, затаившего зло,
Ты черное дело замыслил, постой,
Себя обольщая затеей пустой!—

Торжественно неба открылись врата,
Луна показалась, от горя желта,
И светом щемящим до боли в глазах
Неистово саз засветился в лучах.

Как звон поминальный, послышалось вдруг,

Светло и печально:

—Одумайся, друг!—

И словно впервые увидел он саз.
Такой беззащитный и хрупкий сейчас.
И, ласковой жалостью странно томим,
Не в силах расстаться он с другом своим...
—Уйди, наважденье!—

Пред ним в полутьме
Вздывается камень, как старец в чалме,
Когда-то сорвался он вниз с вышины.
—Нет, саз, я тебе не прощаю вины!..
Эх!—крикнул, жестокий почуяв экстаз,
О камень с размаху ударив свой саз.
На небо с упреком он глянул потом,
Как будто бы бог был виновен во вс-м.

О край моих дедов, старинный Бермек!
Кто видел тебя, тот запомнит навек.
Твой дух нелегко мне стихами воспеть...
Льет солнце на скалы вечернюю медь.
Ты жил на коленях, бесправен и тих,
Где гнев поколений в ущельях твоих.
Шайтаны и ангелы, радость и страх,
Князя на земле, а на небе аллах—

Вы словно открытые раны мои,
С тех пор как в селенье ашуг не поет,
Как будто бы зренья лишился народ.
Попав незаметно в коварную сеть,
Вн-вь тянутся люди уныло в мечеть.
И в праздник, усевшись на коврик, семья
Поет заунывный напев «Марсия».

Заблудшее стадо в модельню загнав,
Дела свои сразу поправил Наджаф.
Чтоб бедный приход ощипать догола,
Храм новый задумал построить молла.
Его поддержал терпеливый майдан.

VIII

Ушел из родного селенья Думан.
Не сокол кружит над чужою горой —
Далеко от дома теперь мой герой.
Он в городе стал и работать и жить,
Чтоб горе свое хоть немного избыть.
Не горы, не прелесть цветов луговых,
А черная кровь промыслов нефтяных.
В рабочем бараке Думан как-то раз

О сазе разбитом поведал рассказ.
И люди вздохнули, а кто-то изрек:
— Кого ты послушал?

Эх, бедный браток!

Немало обманщиков есть на земле,
Зачем ты поведал пройдохе молде!
На узкой тропинке вы встретились с ним
Плут ловко разделался с сазом твоим.
Поправил дела и набил свой карман,
Тебя про еди, бедолага Думан!
Но шапку по кругу!

Кто может, тот даст.—

Рабочие другу собрали и саз...

И снова среди наших подоблачных гор,
Струны говорливой звенит перебор.
Пусть струны рокочут,

они говорят

О том, что рабочий крестьянину брат!

Терпенье, герой мой, послушай меня.
Мой друг, мы с тобою, выходишь родня!
В одном рожденьи разоренном сазе,
Мы оба бредли босиком по земле.

Там песня, как птица, набрав высоту,
Земле открывала ее кр согу.
Но ты отказался от песни своих
И только потом их значение постиг.
Но песня твоя возродилась в груди
Для новой борьбы, что ждала впереди.
Ины сраженья, другие бои—
Потребны, как зренье, напевы твои!
И жизнь призывала, словно друга, тебя,
Поверил народ, вся округа в тебя.
Рабочий недаром вернул тебе саз.
Что же замол ты,—

пой громче для нас!

Коль песню вручила рабочая рать,
Не смещается силы, чтоб струны порвать.

Эпилог

Про саз написал я, но разве о нем?
Сказание это о крае моем,
О душах разбитых, погибших мечтах,
О горестно сжатых молчаливых устах,
О детях, не видевших хлеба куска,

О том, как в чахотку вгоняла тоска.
И вопль материнский,
и бремя невзгод,
И вера в грядущее—
в песнях живет.
Все помыслы чисты, прозрачен язык.
Как знойной пустыней рожденный родник!

1936

ТРАГЕДИЯ В ГОРАХ

Когда меня в то старое селенье
По воле памяти уносит вдохновенье,
Я вижу горы в клочьях облаков—
Прибежище последних кулаков,
Вновь Гальперин встает перед глазами
И сердце обливается слезами.

Свой парус месяц выгнул, словно чели,
Вдруг вынырнувший из небесных волн,
И вдаль поплыл. В ту ночь Куры теченье
Не знало даже легкого волненья.
На берегу уснувшее село
Ночной покой и счастье обрело.
Улыбкой душу нежила природа,
И шелковые тучки небосвода,
Хмельные, полусонные, брели
Своим путем обычным вокруг земли.

А звезды, разгораясь и мерцая,
Из дали в даль, людских забот не зная,
Глядели в ожидании утра.
Под ними медленно текла Кура.
Вдруг ветер голову сломя по скалам
Запрыгал, словно кто-то опыхалом
Взмахнул. И вот с утеса на утес
Желанную прохладу он понес.
Спит Дашбулаг. Жизнь этого селенья
В те дни познала радость обновленья.
Движенья, смысл и песни обрела.
Но медленно свершаются дела—
Вестям о новых ветрах и просторах
Не так легко проникнуть в наши горы
Все бедняки села пришли в колхоз,
Ответив жизни на ее вопрос:
«Бери все, что имеем и умеем,
Ни навыков, ни сил не пожалеем,
Чтоб старое сломать наверняка,
Чтоб новое построить на века».

Прохладой шелковистою и нежной
Окутан дуг. Тропинкою прибрежной,
Как новобрачные, рука в руке

Эльдар и Гюльпери идут к реке,
Приветливой, спокойной и прекрасной,
Как добрый взгляд, бесхитростный и ясный.
Над Гюльпери, как чудо из чудес,
Пространство первозданное небес.
И вся в мечтах о будущем счастливом
Она остановилась над обрывом,
И перед нею в зеркале речно
Вся жизнь ее проходит день за днем.
Нахмурившись, Эльдар сказал: «Не верю
Куре, как притаившемуся зверю.
Под маской кротости и красоты
Таится враг, ломающий мосты.
Он часа ждет, чтобы оставить снова
Дома без кровли, а людей без крова.
Из берегов выходит, как беда,
Бездушная, жестокая вода,
А сколько юных девушек стубило
Коварство этих волн! А сколько было
Слез материнских пролито! Река
В спокойствии и в буйстве велика.
Но мы теперь с рекой бороться будем,
Заставим реку течь, как нужно людям».

Нет стройных юношей среди них. Морщины
Избродили лица всех, а спины
Согнули тобы. Обликом они
На старый скарб, свои отживший дни,
Походят. Вот Гасан. Давно дурными
Делами знаменито это имя.
На узкой тропке встреча с ним страшна.
Он говорит: «Плохие времена
Для нас настали. Власть из рук уходит.
Покорности и веры нет в народе.
Где нация? Любой, кому не день, —
«Интернационал!» — вопит весь день.
И рукоплещут лодыри колхозу.
Как на глазу бельмо мы. Как тангу
Хотят нас вырвать. Все теперь не так.
Я не Гасан теперь, не человек — кулак!»
Его прервал Аршак: «Все речи эти
Бессмысленны. Ведь мы давно не дети.
Стальными руки стали бы у всех —
И то надежды мало на успех.
И все же, чтобы дерево упало,
Мы корни подрубить должны сначала».
Вчера подобны были двум волкам

Двум грозным греющим облакам —
Кровь на зубах и молнии во взгляде, —
Теперь сидят дружками рядом, ради
Кровавой мести позабыв вражду,
Объединившись людям на беду.

Красавицей больною угасала
Природа в этот вечер. Вот устало
Она сомкнула очи облаков,
И стерлись очертания садов.
А солнце спрятаться скорей за горы
Спешит от злых людей. Их разговоры
Алмазоострый взгляд его лучей
Сумели погасить. От их речей
Цветок дневного небосвода увядает,
И ночь над миром крылья простирает.

Спустился по тропинке, скрытой мглой,
В ущелье человек. Он был молодой
Когда-то в Дашбулаге, а теперь он
Скитается в горах бездомным зверем,
Беглец и предводитель беглецов.
Он стар и сед, и взгляд его суров.
И от ночей бессонных, полных страха,

Красны глаза. Под епанчой рубаха
Изодранная. Он в Гасана взгляд
Вонзил. Слова моллы Сафара — яд:
«Скажи, мужчина ты?»

«Что это значит?»

«Мужчина должен это знать, иначе,
Коль для папахи только голова,
Зачем впустую тратить мне слова».
Гачахи ждут, что будет, в изумленье.
«Мне удивительно твое терпенье!
Женой Эльдара стала Гюльпери:
Твоя жена — его женой... Смотри,
Вот от нее письмо». Слова не даром
Потрачены — Гасан сражен ударом,
Который был расчетлив и жесток.
На выхваченный в ярости клинок
Похож Гасан. Он горы мутным взглядом
Обводит: «Замолчи! Оставь! Не надо
Письма...»
«Нет чести, так терпи позор!»
«О горе, ты страшней и выше гор!
Друзья, не бросьте в жуткую минуту!
Я буду мстить! Я буду волком лютым!
Нет больше сердца у меня в груди!

Мне — изменять!.. Девчонка... Погоди...
Ты пожалеешь... Где мой конь? Так кто же
Со мной?»

«Я первый, кто тебе поможет.
Али-имам направит мой удар,
Как сталь, мои слова», — сказал Сафар.

III

Насквозь ущелье продувает ветер,
Колючий снег со скал сметает ветер,
Лихие замечает он следы.
И замер мир в предчувствии беды.
В расселинах утесов ветер стонет.
В белесой мгле и верховой утонет.
Над пропастью сторожек шаг коней,
Скользят копыта в россыпи камней.
Снег колет лица тысячью иголок.
Знакомый с детства путь недолог —
Ущельем прямо к берегу реки,
За ней село. В молчанье старики
Трясутся в седлах. В думы погружен,
Молчит Гасан. Его со всех сторон
Во мгле ночной, крутящейся и снежной,

Преследует один лишь образ нежный:
«Дочь пастуха — ты госпожою стала.
Скажи, чего тебе недоставало?
О Гюльпери! Как зверь во тьме ночной
Крадусь я. Что ты сделала со мной!»
Меня в былое память возвращает.
Минувшего картины воскрешает.
В дни предапрельские пришла беда.
Четырнадцать исполнилось тогда
Всего лишь Гюльпери. К ее несчастью,
Увидев девушку, зажегся страстью,
Гасан. И дочери ничем пастух
Не мог помочь. К мольбам остался глух
Гасан, и, времени не тратя даром,
На следующий день с моллой Сафаром
Он сторговался. Так была она,
Нет, не просватана, а продана,
Безжалостное пламя опалило
Красу и юность. Горько видеть было
Ее в те дни на берегу реки,
Куда она бежала от тоски
И чтобы там увидеться с Эльдаром
Хоть издали. Пылала грудь пожаром
Любви. Но пересуды и молва

Пугали. Сокровенные слова
С губ не слетали. Только боль печали
Предательские слезы выдавали ..
С апрельских дней прошло не много лет,
Но изменилось многое. Уж нет
Той власти у Гасана и Сафара.
Мечи скрестились. Неизбежна кара:
Им отольются слезы бедняков,
Освобожденных ныне от оков.
А Гюльпери судьбу соединила
С любимым наконец. Она раскрыла
Гачахов планы беднякам села.
Она в любви и счастье расцвела:
В работе первая, а на собрание
Готова вызвать на соревнованье
Весь край. Ей силы придает мечта.
В ее глазах добро и теплота.

IV

По-прежнему свирепствует в ущелье
И злобно воеет ветер. За метелью
Чернеют силуэты верховых.

На лоб папахи сдвинуты у них,
Глаза ощупывают мрак полночный.
В такую непогоду шаг неточный —
Последний шаг. За снежной пеленой
Все чудится, что в темноте ночной
Маячит кто-то. На эфесы руки
Ложатся сами. Голоса и звуки
Неведомые слышатся в ночи.
Плотней закутываются в епанчи
Гачахи. Боль в груди как рана
Незаживающая. Вой бурана
Коней пугает. Вот Кура. За ней
Спит Дашбулаг. Нигде в домах огней
Не видно. Над селом навис лавиной
Гачахов гнев. Им кровью голубиной
Не терпится залить сердца жару.
Ступили кони в черную Куру.
Вот пашни между двух хребтов в долине.
Молла, они колхозные отныне.
Жизнь вспять тебе не повернуть, молла.
Того, что есть, не зачеркнуть, молла.
Не для тебя распашут их весной.
Жизнь стала навсегда теперь иною.
Напрасно будешь ждать-гадать, молла.

И четок нить перебирать, молла,
Напрасно будешь ты — казан твой снова
Не задымится поминальным пловом.
Оставь надежды и мечты, молла.
За все ответишь скоро ты, молла.

V

Как наводнение, было нападение
Коварно. Ужас охватил селенье.
Кричат гачахи: «Где Эльдар? Скорей
Партийцев к стенке и учителей!»
Где бедной Гюльпери искать спасенья?
Кто защитит? Откуда ждать спасенья?
Винтовки из-за каждого угла —
Так возвратился сосланный молла.

Учитель

Призыв к молитве над мечетью старой
Звучит. Я узнаю моллу Сафара.

Учительница

Давно уже пора понять тебе,
Призыв тот не к молитве, а к борьбе.
Когда в разгаре классовая битва,
Оружием становится молитва.
Но скоро смолкнут речи зла и тьмы.

Учитель

Они-то смолкнут, но боюсь, что мы
Уж будем гнить в земле.

Учительница

Но нашу веру,
Ту мысль, что новую открыла эру,
Идею, что перевернула мир, не в силах
Убить никто.

Учитель

Когда-нибудь в могилах

Мы все уснем и обратимся в прах.
Но, девушка, неужто вовсе страх
Тебе неведом?

Учительница

Есть закон суровый —
Истории незабываемое слово:
В тот час, когда сражение кипит,
Ты не убьешь, так будешь ты убит.

{Вбегает крестьянин.}

Учитель

Скажи, что в Дашбулаге?

Крестьянин

В злобе рыщут
Повсюду кулаки. Партийцев ищут.
И комсомольцев — мол, настали дни
Решить в сраженье: мы или они.

*{В школу врываются Гасан, Молла Сафар
и другие.}*

Молла Сафар

Ну как вы здесь?

Учитель

Мы ни при чем. Все знают,
Что мы учителя. К нам присылают
Детей. Мы учим...

Учительница

(отталкивая товарища)

Ты позоришь нас!
Молчи! Ты трус!

(Обращается к кулакам.)

Что нужно вам?

Гасан

Сейчас

Узнаешь. Эй, скрутить ее.
(Учительница в бессилье плачет.)

Слезами

Теперь ты хоть залейся перед нами.
Плачь, вволю плачь!

Молла Сафар

(оглядывая учителя)

Безус и безбород,
Чему же, бедный, учишь ты народ?
Латыни, что ли?

Учитель

По какому праву
Вы нас арестовали? Что за нравы!

Молла Сафар

Мы удовлетворим гнев стариков
И расстреляем вас без лишних слов.
Смутьянам и безверцам нет пощады.
Без всякой жалости их резать надо.

При приближеньи дня гачах, как вор,
Спешит укрыться под защиту гор.
В глазах блеск молний, стянут лоб повязкой,
Торопится Гасан тропею тряской.
Ползет по склонам утренний туман.
Увозит в горы пленницу Гасан.

Спешите, люди, разыскать Эльдара,
О нашем горе рассказать Эльдару.
Откликнись же скорей, ты где, Эльдар?
Твоя любимая в беде, Эльдар.
Мы все в огне, сердца зашлись от боли,
Ведь наша лебедь, Гюльпери, в неволе.
«Скорей, друзья, скорей! Нас ждет дорога», —
Бурлит весь Дашбулаг. В селе тревога.
«Как смеет горстка кулаков в горах
Хозяинничать, во всех вселяя страх!
Пора, пора покончить с кулаками!
Конец их власти. Власть теперь мы сами».
Пусть галька из-под ног коней летит
И брызги искр летят из-под копыт.
«Вперед! Скорее!» — Кони в путь готовы,
Крепки стальные новые подковы.

На коршуна, который птицу рвет,
Похож сейчас Гасан. В нем плев растет,
От гордой Гюльпери, от пленной птицы,
Не может он покорности добиться:
— О женщина, нет верности в тебе.
Виновна ты сама в своей судьбе.
И близкой смерти. Будь же к ней готова.
Тебе последнее осталось слово:
Вернись ко мне — прошу!

Гюльпери

Былых времен

Забудь, Гасан, порядок и закон.
Ресницами разравнивать откосы,
Ногтями растирать в песок утесы,
Одни лишь камни черные жевать,
Гадюку прямо в губы целовать,
Спать на колючках острых, как голодной
Волчице грудь, найти в воде холодной
Погибель, угодить к акуле в пасть,

Ко львам свирепым в логово попасть,
Дразнить, за хвост хватая, скорпиона,
Босой, по острым каменистым склонам,
Изранив ноги, день и ночь идти,
Не зная сна и отдыха в пути,
Баюкать злого волка, с крокодилом
Бок о бок жить — намного слаще было б.
Все это для меня, чем вновь женой
Твоею стать. Пусть беды надо мной,
Какие есть на свете, пронесутся —
Все ж это лучше, чем к тебе вернуться.
Ты знал меня совсем другой. Гляди:
Проснувшееся «я» в моей груди
Вдруг стало на дыбы, как конь горячий.
Я свет увидела. Я стала зрячей.
Осталась в сердце ненависть с тех пор.
Нет, мне не страшен смертный приговор.
Какого от меня еще ждешь слова?
Не жди! Давай! Я смерть принять готова.

Г а с а н

Ты нанесла обиду из обид!

Г ю л ь п е р и

Ты кто? Главарь разбойников. Бандит.
Как может женщина любить злодея!
Моей весенней жизни не жалея,
Мою любовь ты смял и растоптал.
Ты жизнь мою разбил о камни скал.
Но не из-за меня ты стал гачахом —
Лишен былых богатств, гонимый страхом,
Не можешь с тем смириться, жадный пес,
Что стал в селе хозяином колхоз.

Трагедии не надо декораций
Иных: над сценой скалы громоздятся,
Край сцены — пропасть, что и днем черна.
Толпою кулаков окружена,
Рыдает женщина. Плевки, угрозы
Со всех сторон — в них ненависть
к колхозу.
Кровоподтеки, раны, черный след
От пут тугих — живого места нет
На бедной пленнице. И нет спасенья.
Страдания и гнев в одно движенье
Вложив и разорвав жестокий круг.
Она сама метнулась в пропасть вдруг.

Треск пулеметов. Посвист пуль. Гачахи
 Окружены. Гасан в смертельном страхе.
 Тела в ущелье падают со скал.
 Затих молла, сраженный наповал.
 А клич Эльдара горы повторяют.
 Гачахи смяты. Наши наступают.
 Один из наших ранен. Даже стон
 Не вырвался. Со всеми вместе он,
 Сжав зубы, продолжает наступленье.
 Вдруг наступила тишина. Сраженье
 Закончено. Полумертвец от ран,
 Среди других захвачен в плен Гасан.

Эльдар

Где Гюльпери?

Гасан

О ней плохие вести
 Услышишь ты сейчас. Готовься к мести —
 Твоя любовница нашла конец
 В объятьях черной пропасти.

Подлец!

Да, подлецы они. Во всех селеньях
 Народ их обвиняет в преступленьях.
 Земле родной повстанцы прошлых лет,
 Борясь со злом, несли не смерть, а свет.
 Керемы и Н би, служа народу,
 Жизнь, отдавали за его свободу,
 Считая, так же, как и весь народ,
 Врагами рабство, тьму и гнет.
 Сражались не для почестей и славы
 Борцы тех лет. Их дело было право.
 От женских слез, пролитых на скале,
 Стонал кости их в сырой земле.

VIII

Вновь праздник по земле идет весенний,
 На склонах гор зеленых новоселье
 Справляют стаи птиц. Куры вода
 Пугает, правда, села иногда.
 Не перечислить планы и заботы

Людей. Идут весенние работы
На нивах от зари и до зари.
Как горько, что не стало Гюльпери!
Тоска Эльдара мучит с прежней силой,
Из сердца не уходит образ милой.

О Гюльпери, прошли, прошли те дни,
В горах погасли страшные огни
Костров кулацких. Вырваны с корнями
Деревья старые. Все вместе с нами
Меняется, до бурок и папах.
Учительствует здесь, у нас в горах,
Твоя сестра. По-новому на свете
Жить и работать будут наши дети.
Я с ними каждой строчкою стихов,
И вместе с ними я на все готов.

1933

СОДЕРЖАНИЕ

Гюльгусейн Гусейноглу. Талант жив всегда . . . 7

СТИХОТВОРЕНИЯ

Листки раздумий. Перевод В. Кафарова . . .	21
Опять на ту же дачу... Перевод А. Грича . . .	31
Новый дом. Перевод П. Антокольского . . .	37
Мост. Перевод П. Антокольского . . .	39
Моя пятилетка. Перевод В. Кафарова . . .	41
Когда шел дождь. Перевод Т. Стрешневой . . .	43
Прекрасная девушка. Перевод Ю. Мориц . . .	45
Солнце и взгляд. Перевод Т. Стрешневой . . .	46
Приглашение. Перевод. Вл. Бугаевского . . .	47
Поэт. Перевод П. Антокольского . . .	49
Песнь о Тертергэсе. Перевод В. Кафарова . . .	51
Одинокое дерево. Перевод В. Кафарова . . .	69
Сабиру. Перевод Т. Стрешневой . . .	71
Памяти Горького. Перевод В. Кафарова . . .	76
Н. Островскому. Перевод В. Кафарова . . .	77
Земля. Перевод В. Кафарова . . .	78
Красота. Перевод П. Панченко . . .	79
Под вечер. Перевод Т. Стрешневой . . .	80
Что это значит? Перевод В. Кафарова . . .	81
Моя любовь. Перевод В. Кафарова . . .	83
Звезды. Перевод В. Кафарова . . .	85

Твой смех. Перевод Т. Стрешневой	86
Не гляди так... Перевод А. Грича	88
Твои глаза. Перевод Т. Стрешневой	89
Стихи, подсказанные сердцем. Перевод В. Кафарова	91
Мой стих. Перевод В. Кафарова	93
Любовь к жизни. Перевод Ю. Мориц	95
Счастье. Перевод В. Кафарова	98
Севан. Перевод Вл. Бугаевского	101
Ледовые дороги. Перевод Ю. Мориц	104
Веселый Тифлис. Перевод А. Грича	107
Тар. Перевод В. Портнова	111
Белые поля. Перевод Т. Стрешневой	118
Кавказ. Перевод Т. Стрешневой	128
Облака. Перевод В. Портнова	131
Руки. Перевод В. Портнова	133
Вчера и сегодня. Перевод А. Грича	134
Ветры. Перевод В. Кафарова	137
Юноша. Перевод Т. Стрешневой	139
Каменный орел. Перевод Ю. Мориц	140
Телефонный разговор. Перевод В. Кафарова	142
Колеса. Перевод М. Еремина	144
Телеграфные провода. Перевод В. Кафарова	147
Края, где я живу. Перевод П. Панченко	149
Я вспомнил. Перевод Т. Стрешневой	151
Наши глаза. Перевод В. Кафарова	152
Пыль. Перевод В. Кафарова	155
Зарисовка. Перевод Т. Стрешневой	158
Гудки. Перевод А. Грича	160
Клятва. Перевод А. Халдеева	162

Ковер. Перевод М. Еремина	164
О любви. Перевод Т. Стрешневой	166
Мать. Перевод В. Портнова	167

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Туче в лицо. Перевод В. Кафарова	169
Вечная любовь. Перевод Ю. Мориц	171
Живи, душа! Перевод Т. Стрешневой	174
Любовь. Перевод А. Грича	175
Отвечай. Перевод А. Грича	176
Марал. Перевод В. Кафарова	177
Почему не пришла. Перевод Р. Ивнева	179
Я жертвою стал. Перевод Т. Стрешневой	180
Пропадю. Перевод А. Грича	181
Не обижаюсь. Перевод Т. Стрешневой	182
Ты и я. Перевод Т. Стрешневой	183

ПОЭМЫ

Разбитый саз. Перевод Т. Стрешневой	187
Трагедия в горах. Перевод М. Еремина	235

Мушфик М.

М 86 Звени, тар... Стихотворения и поэмы. Пер. с азерб. Предисловие Г. Гусейноглу. Б., Язычы, 1981.

261 с.

Творчество классика азербайджанской советской поэзии Микаила Мушфика (1908—1939) относится к концу двадцатых и к тридцатым годам.

Тема его произведений — самоотверженный труд, думы и чаяния рабочего класса, труженников села, народной интеллигенции в годы индустриализации.

В сборник «Звени, тар...» включены лучшие лирические стихотворения и две поэмы — произведения, ярко характеризующие своеобразие мастерства выдающегося поэта.

М $\frac{70403-112}{M-656-81}$ 79 — 79

Редактор *Эльдар Шарифов* Художник *Г. Абдуллаев*,
Художественный редактор *А. Мамедов*,
Технический редактор *Ш. Керимов*,
Корректор *Г. Клымова*.

ИБ № 109.

Сдано в фотонабор 26.VI. 1980 г. Подписано к печати 13.X. 1981 г. Формат бумаги 84×108^{1/2}. Офсетная бумага. Печать офсетная. Физ. п. л. 4,125. Условн. п. л. 6,53. Учетн.-изд. л. 6,31. Заказ № 794. Тираж 6 000. Цена 1 руб. 30 коп.

Государственный комитет Азербайджанской ССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли.
Издательство «Язычы», 370088. Баку, проспект Кирова, 18.
Типография им. 26 бакинских комиссаров 370005, Баку, ул. Али Баирмова, № 3.

Микайыл Мүшфи

ОХУ, ТАР...

Шеърләр вә поема

Б а к ы 1983

4e-30k

50763